

ВЛАДИМИР ТУЛУПОВ

НЕЧАЯННАЯ
КНИЖКА

ВОРОНЕЖ 2004

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Как получилась эта по преимуществу юмористическая книжка? Причин тому несколько.

Во-первых, автор любит юмор.

Начальные уроки в серьезнейшем деле формирования юмористического взгляда на жизнь ему преподали Виктор Драгунский, Сергей Михалков, Агния Барто, Самуил Маршак, Джанни Родари и другие не менее уважаемые детские писатели. В отрочестве, по обыкновению лежа на диване, автор от души смеялся над многими страницами Гоголя, Шолохова, Зощенко, Ильфа и Петрова, Диккенса, Гашека, Твена, О, Генри. Когда в доме появился черно-белый телевизор «Спутник», автора нельзя было оторвать от экрана, если транслировались фильмы Чаплина, Александрова, а затем – Гайдая, Рязанова, Данелия.

Во-вторых, автор очень любит юмор.

Именно поэтому в детстве и отрочестве он выступал на сцене с юмористическими монологами, в юности входил в университетскую команду КВН, где стал баловаться шаржами, карикатурами, шутками собственного сочинения. Как-то в клубе веселых и находчивых автору поручили вести амбарную книгу заседаний, в которую надо было вносить все, что рождалось во время многочасовых мозговых атак студенческой братии. Это так понравилось автору, что он завел собственный архив всяких глупостей в виде словесных и изобразительных набросков, который ведет до сих пор.

В-третьих, автор по мере своих сил и способностей служит юмору.

Это проявилось, в частности, в написании студенческих курсовых работ, посвященных говорящим именам в произведениях Фонвизина, Салтыкова-Шедрина, Маяковского, Ильфа и Петрова, карикатурному творчеству Кукрыниксов; в многолетнем участии в качестве одного из организаторов и членов жюри уфимской «Юморины»; в сотрудничестве с газетами в качестве шаржиста, карикатуриста, а иногда и фельетониста; наконец, в рассказывании баек и анекдотов.

Надеюсь, что читатели с юмором отнесутся к затее автора напечатать кое-что из того, что появлялось из-под карандаша, пера и фломастера, как правило, во время нудных лекций, заседаний, собраний, совещаний, конференций, планерок и летучек.

ПРОСТО
СМЕШНО

БАБУШКИНЫ СЛОНИКИ*

Игорек вообще не был рубахой-парнем. Не было у него той самой коммуникабельности. Зато у него была Зина. И квартира. Но Зина, преподавательница швейцарского языка (так уж получилось), уехала на кустовое совещание лингвистов Земли Франца-Иосифа. На Новый год она не успевала, и потому Игорек оставался на праздник один с елкой и поздравительной телеграммой: «НЕ СКУЧАЙ ВСК НОВЫМ ГОДОМ ВСК ПРИЕДУ БЕЛЫМ МЕДВЕДЕМ ВСК ЦЕЛЮЮ ВСК ЗИНА ВСК».

Чего уж хорошего – встречать Новый год в одиночестве. Но Игорек вспомнил, как в детстве бабушка, укладывая его, пятилетнего мальчика, уговаривала: «Спи, внучок. Кто Новый год во сне встретит, от того уйдет все плохое, и проснется он наутро новым человеком».

И пришла ему в голову мысль: а почему бы и сегодня не воспользоваться ситуацией и не обеспечить себе в новом году счастливую жизнь?

Он так и сделал: в десять часов Игорек лег в постель, опасаясь, как бы в эту ночь не подвела бессонница. Задремал. Ему снилось детство, бабушкин цветастый передник и почему-то Зина в парике с японским зонтиком, но босая и под руку с рыжим Петькой из параллельного класса. И вдруг!

22.15. Он проснулся от запаха. Сквозь щели в полу лезла шампанская пена – внизу гуляли.

22.35. В розетку у стены, где спал Игорек, просунулись два зажженных бенгальских огня. Сбоку гуляли.

22.50. Люстра вздрогнула. Рядом с ней потолок пробил чей-то каблук. Кто-то безнадежно пытался его выгнать. Каблук подергался и замер. «Цыганочка» продолжалась! Наверху гуляли.

И когда Игорек уже окончательно проснулся, он услышал, как тихо отворилась входная дверь.

– Зина! – он выскочил в коридор в пижаме.

На него удивленно смотрел мужчина в полушубке, с мешком за спиной. «Ну да, опять остряки из соседнего цеха изошрются – вызвали Деда Мороза из бюро добрых услуг», – сообразил Игорек.

– С Новым годом, – устало произнес он и пошел к холодильнику доставать «Сибирскую».

Разлили. Выпили. Вздохнули.

– А я уж не думал вас и дома застать, – сказал Дед Мороз.

– Ну отчего же? Я просто света не зажигал – спал.

– Вот-вот. Я и смотрю: у всех горят окна, а здесь нет.

Значит, пустая квартира-то.

Разлили. Выпили. Вздохнули.

– А почему вы, собственно?..

– Работа такая.

– А-а-а. Понимаю.

Разлили. Допили остатки. Вздохнули. И тут-то Игорек не выдержал. Рассказал про Зину, про сон, про бабушку, про неугомонных соседей, про то, как хотел стать счастливым. Дед Мороз неожиданно заплакал:

– Я ить, гражданин жилец, вор. Да-да, воруга. И суды пришел на дело. На последнее. Думаю, последний раз грабану, и с нового года – новая жизнь. Не будет больше вора Сидорова! И у меня вить бабушка была – баба Фрося. Не воруй, говорила, Васька, открутят те башку. Слышь, друг, расковырял ты мне душу. Давай, постели ты мне на полу, ложись на свою тахту, заснем в Новый год – и завяжем с прошлым. Проснемся каждый новым человеком.

– Давайте, давайте, товарищ Сидоров, – за эти минуты Игорек успел и испугаться, и возмутиться, и удивиться, но в конце концов ему стало по-человечески жалко этого Васю, человека необычной профессии и трагической судьбы. А то, что Вася раскаялся, просто добило Игорька.

– Надо вам окончательно и бесповоротно порвать с преступным миром, товарищ Сидоров! Приходите к нам на завод. У нас сплоченный, дружный коллектив. У нас такая самодеятельность! Вы там фокусы будете показывать.

Еще долго и жарко убеждал Игорек «Деда Мороза», а тот плакал. Потом они легли спать: Вася на тахту, Игорек – на пол. А поутру они проснулись. Вернее, проснулся один Игорек. Васи не было. Не было и тахты, слоников с пианино (само пианино почему-то стояло в прихожей), не было бабушкиного фикуса, зининового парика и японского зонтика.

Игорек выбежал на мороз в пижаме. Далеко впереди быстро шел Вася, груженный тахтой, фикусом и мешком. За ним бежали мальчишки:

– Дедушка Мороз, дай подарок, ну дай!

Вася оборачивался и нехотя бросал на снег бабушкиных слоников.

* В соавторстве с Л. Г. Дановичем.

РОКОВАЯ ОПЕРА

Перед обедом забегают в нашу лабораторию парапсихологии Вольф и Сидоров – пара психов, натуральных. Потому что они абсолютно асоциальные типы. И смех у них вот именно что глупый. Мы как раз обсуждали перспективы рыночной экономики, грядущее сокращение штатов лаборатории на две третьих. Я, естественно, взял слово – объяснял, что всем следует понять: это момент такой, судьбоносный, такая историческая необходимость. Главное, не допустить истерик, отнестись с пониманием и доверием к шагам нынешней администрации. Вот тут и забежали эти балагуры и болтуны, Вольф и Сидоров.

– Мужики, как делишки? Если праздник на носу – покупайте колбасу! А не организовать ли нам междусобойчик какой-нибудь, что-то вроде капустника?!.. Пир во время перестройки! Мы тут накропали нечто эпохальное, предлагаем сбачать крутую рок-оперу. Причем на пребанальнейший сюжет. Рок-опера о Курочке Рябе. Ну как, опустимся, так сказать, в колодец русского народного творчества?

Ох, и не люблю же я этих жизнерадостных идиотиков. Вот из-за таких аполитичных оболтусов мы и угодили в трясику застоя. Я, конечно, сразу же отошел в сторону, а Вольф и Сидоров стали охмурять наших девиц, у которых ноги от шеи растут, и безусых лаборантов. Ну-ну, посмотрим, чем наши затейники новому поколению головы забивать будут...

– Итак, жила-была Курочка Ряба, и была у нее подружка Пеструшка. Они гуляли и пели песни. Девоньки, вы слева идете на мужичков, и...

Без куриц жить нельзя на свете, нет!

Как приготовите без нас омлет?

Яйца крутые поутру,

Быть может, вам не по нутру?

– Мужички, подхватываем:

Без петухов вам тоже жизни нет!

Без петухов к вам не придет рассвет!

То есть не будет света,

Если не крикнет Петя

ПРОСТО
СМЕШНО

Громкое «Ку-ка-ре-ку!»

– Тут начинается канканчик:

Куриные ножки, цыплята-табака!

Ах, боже, какое наслажденье!

Куриные ножки, а также потроха

Отведайте без промедленья!..

Бред какой-то. Ногами дрыгают, хохочут. Все красные, вспотевшие. Орут, как оглашенные. Черт знает что.

– Отлично, отлично, Канкан отработали. Продолжим дальше, по сюжету.

Подружилась наша Ряба с Петушком. Сыграли они свадьбу, и вскоре появилось на свет яичко. Но хоть оно и было не простое, а золотое, молодые воспитывать его не захотели – подбросили бабке с дедкой. Игорек, ты будешь у нас золотым яичком и споешь арию Яйца на музыку «Постой, паровоз, не стучите, колеса». Запевай!

Ах, лучше б родилось

Простым я яичком –

Никто б тогда не бил меня зазря.

А шас по золотому, кому не лень, по личику

Лушцуют, хоть детишек бить нельзя

Не бей меня, деда,

Не бей меня, баба!

Что пользы от битого яйца?!

Ах, где же ты, мамаша?

Ушла мамаша Ряба

На поиски беспутного отца...

– Слушаем дальше либретто. Что-то не заладилось у молодых – загулял Петушок, стал пьянствовать. Вызвали его на профсоюзное собрание курятника. Актеры, разбираем стулья и выступаем по одному.

– Товарищи, я хочу сказать о Петухе. Это представитель явно не нашей идеологии: бросил ребенка-яйцо, жену-курицу. И за что? За что, я вас спрашиваю? Только за то, что она – рябая? К тому же чувствуется, что этот Петух – злостный алиментщик. Но мы верим, друзья, что счастье придет и в эту семью, о чем недвусмысленно напоминает сама курица обещанием снести яичко.

– Дайте, дайте мне сказать! Товарищи! Кто такая Ряба? Простая русская курица-несушка. Она носила под сердцем яйцо в то время, когда ее непутевый муж шлялся по кабакам с модной городской гусыней. Она ждала его на холодном неразделенном насесте. Это о ней сложил поэт песню: «Ты ему

ПРОСТО
СМЕШНО

навстречу, Ряба, белым лебедем плывешь». Он не дарил ей золотых колец – это она несла ему золотые яйца!

– Товарищи, товарищи! А что же произошло с яйцом?

– Это личность явно трагическая, возникшая в условиях суровой безотцовщины. Чем, кстати, напоминает нам героя другого произведения – Ваньку Жукова. Дед бил, баба была, и не мудрено, что стоило появиться какой-то мышке-норушке, как все покатилося, покатилося и разбилось. Юноши, бойтесь ветреных мышек!

– Отлично, отлично! С собранием закончили. А теперь у нас пойдет хор юношей-моралистов. На мотив «Дубинушки» за-пе-вай!

Не воруй, не убий,

Не клянись, не желай

Жены ближнего – сколько заветов!

Аки агнец живу, собираюся в рай.

Пред Всевышним готовлюсь к ответу.

Эх, на жисть нет аппетита –

Разгулялся на Руси синдром

Какого-то там дефицита.

Вот такие несерьезные люди в нашей лаборатории работают. А ведь считают себя учеными, интеллигентами. Страна буквально задыхается, страну буквально колотит и лихорадит, а они ногами дрыгают. Да, темен еще у нас народ. Легкомыслен. Приходишь к мнению, что с таким народом капитализма не построишь.

1972 – 1993 г.

ФЕЛЬЕТОН-ФАНТАЗИЯ

ДНЕВНИК БЫВШЕГО ПИОНЕРА

Тымнетувге Тынэтэгына, чукотского школьника, собравшего в тундре столько металлолома, что из него можно собрать целый стальной корабль.

«День первый. Однако я в Артеке. На берегу самого Черного моря. Жарко, красиво. Живем в трехэтажных ярангах. Пионервожатый отряда Миша провел сбор, на котором объявил, что с завтрашнего дня в лагере – самоуправление. Все кричали «Ура», а я сказал «Ладно».

День второй. Старшим выбрали Борю. Он мальчик хороший, толстый, но шибко больно дерется. Урмас, Арвидас и

Янис сказали, что они с нами вообще играть не хотят и переходят, однако, в другой отряд.

День третий. Суренчик с Вагизчиком опять не поделили тумбочку, стали шибко драться и, однако, до крови. Пионервожатый стал их ругать, а они сказали: «Зачем ругаешь? Сам говорил – самоуправление».

День четвертый. Вахтанг сказал, что он нас всех в гробу видел с этим самоуправлением, и пошел без спросу пить лимонад в буфет.

День пятый. Сегодня в лагере «Зарница». Борька сказал, что он будет командиром. Грицко сразу показал ему фигу. Петруська и Олжаска тоже хотели ему показать, но потом засунули фиги в карманы. Юлдаш, Какаджан, Фархадик и Манасик сказали, что будут с Борькой водиться, только пусть он им за это полднишки отдает. Борька сказал: «Ладно, все равно мне полднишки из интеротряда носят».

День шестой. Потерялся Иончик. Всем отрядом искали его до обеда. Нашли. Иончик сказал, что все равно убежит. А у Вахтанга живот разболелся – из-за лимонада. Врач хотел ему клизму сделать, а Вахтангчик не дался и сказал, что если будут к нему приставать, он зарежет себя, врача и пионервожатого Мишу.

После обеда началась «Зарница». Борька захватил знамя, и мы все стали радоваться. Однако потом кто-то прибежал и как закричит: «Пионервожатого местная шпана захватила! Галстук отобрали!..» Борька как закричит: «Айда нашего любимого вожатого спасать!» Мы побежали и спасли. Пионервожатый на местных так шибко обиделся, что даже сигарету закурил, хотя сам никогда не курил и нам не велел, а потом у Вахтанга лимонад попросил и весь выпил. А потом пошел к начальнику лагеря и говорит, что он, однако, увольняется и уезжает обратно в город Ставрополь, где хочет учиться на агронома.

День седьмой. Из Чукотки пришло, однако, письмо. Отец пишет, что к нам в ярангу приходили геологи и спрашивали, зачем я нефтяную вышку разобрал».

На этом дневниковые записи обрываются. Редакции их любезно предоставили Гдлян и Иванов, которые в настоящее время занимаются расследованием чукотско-кремлевского дела.

1991 г.

5

**ПРОСТО
СМЕШНО**

САНИТАР РЫНКА

Вот говорят: рэкетеры, рэкетеры А что рэкетеры? Профессия наша, между прочим, тяжелая, нервная – ненормированный рабочий день. Ночь-полночь, стучат: «Петрович, выходи – мочить пора!». Чуть что – Петрович. Из чего мочить-то? Вот у Коляна – и АКМ, и кольт голландский, семизарядный. А тут обрез дедовский – еще с коллективизации, он из него двадцатипяти тысячников и пионеров мочил. Опять же больничный не оплачивается. У меня, может быть, прострел в пояснице, контузия на правое ухо, тик на левый глаз, насморк от свиста пули!..

Мы кто? Мы же санитары рынка. Сплотаторов народа выводим на чистую воду, ну и, понятное дело, мочим! А цены на боеприпасы постоянно растут. На Юго-Западе еще туда-сюда, а на Северном семь шкур дерут: кучка трассирующих – сто тысяч, простая советская граната – двести.

По улице не пройдешь, пацаны задразнили: «Рэкетир, рэкетир!» Знакомые достали: один просит своего шефа отоварить, другой – конкурента взаймы ухайдакать. Надоело. Соседи кляузы пишут – до Гдяна с Ивановым дошли. А тут – семья: мать-пенсионерка, детей двое (пацаны, оба на юридическом учатся). Жена совсем оборзела: принесешь мильон – почему не два, раненый пришел – почему не убитый?.. А у нее рука тяжелая.

Работаешь, работаешь – никакой благодарности. В милиции хоть форма, погоны, ордена всякие. А тут паршивенькой грамоты не дождешься. Работа наша, все знают, вредная, ночная – мы все равно что партизаны, подпольщики. От пахана же доброго слова не услышишь, туды его в качель. Но я долго терпеть не стану. Еще раз оскорбит – уйду в ментовку, там у меня корешей до фига. С такой квалификацией меня с руками-ногами оторвут. Не пропаду.

Я. УШКУЙНИКОВ, 1991 г.

НЕ ЖИЗНЬ – СКАЗКА

Стою в очереди. В столовой. За день намотался, сил нет. Заснул. И снится мне сон. Подхожу на раздачу. Девушка вся в белом, краснощекая, улыбчивая – как с картины Кустодиева.

Смотрит ласково и спрашивает: «Чего изволите откусать? Выбирайте!» И меню мне показывает. Читаю: «Щи, борщ, суп с курицей, консоле с гренками, солянка, уха из стерляди, осетрина заливная, севрюга, раки натуральные, ботвинья, телятина, окрошка, скобленка, почки телячьи в мадере, шашлык, рябчик паровой, язык, ростбиф, битки по-казацки, чирок, куропатка, котлета пожарская, каша по-гурьевски, икра паюсная, балык, кокиль из рыбы, спаржа под соусом, сом, ягода со сливками, лимон, квас клюквенный, сидр, боржом, медок».

Только решил заливными раками по-гурьевски полакомиться, кто-то как в бок пихнет: «Заснул, что ли, бери свою перловую кашу, людей не задерживай!» Взял, отдал червонец, проглотил – как будто и не обедал. Дай, думаю, хоть винишка стаканчик пропущу. А в забегаловке очередь – часа на полтора. Стою, а сил-то нет – за день намотался. Заснул. И снится мне сон. Подхожу к стойке. Мужик-целовальник – краснощекий, улыбчивый, как с картины Петрова-Водкина. Смотрит ласково и спрашивает: «Чего изволите?» Меню показывает: «Вина «Саперави», «Киназмараули», «Мозельвейн», «Каберне», ликеры «Вишневый», «Кюрассо», наливки «Спотыкач», «Сливянка», «Нежинская рябина», «Смородиновая», «Полынная», «Померанцевая», «Зубровка», водки «Смирновская», «Московская», «Столичная», «Палинка», «Горилка», андроповка».

Только хотел сибирского спотыкача махнуть, как кто-то в бок ткнет: «Заснул, что ли, глотай свой букет молдавский – слезы Мичурина, людей не задерживай!» Взял, отдал четвертной, хватанул двести граммов – ни в одном глазу. Надо и в магазин завернуть, талоны отоварить. Стою в очереди, а сил-то нет – за день намотался. Заснул. И снится мне сон. Подхожу к прилавку. Продавщица краснощекая, улыбчивая, как с картины Рубенса, смотрит на меня ласково, спрашивает: «Вам какой колбаски?» – и на витрину показывает. Читаю на ценниках: «Колбаса краковская, чайная, копченая, брауншвейговская, краснодарская, ставропольская, языковая, полтавская, салями, сосиски венские, сосиски охотничьи, грудинка копченая, рулет вареный».

Только подумал брауншвейговскими сосисками отовариться, кто-то в ухо как гаркнет: «Заснул, что ли, бери свою опилочную, людей не задерживай!» Взял, отдал сотню, заснул в авоську – и тяжести не почувствовал. Но иду счастливый. Да и как не радоваться: выпил, закусил, отоварился. Не жизнь – сказка.

РЫЧАГ ЭКОНОМИКИ

Эх, времечко золотое! Ну кем я, Сашка Корейкин, раньше был? Сачком, халтурщиком, прогульщиком, захребетником. Это меня директора тех двадцати восьми предприятий, которые в трудовой книжке значатся, так называли. Вахлаки! В госучреждении Сашка – шалай-валяй, а после 18.00 он землю рогом роет. И вот результат: теперь он уже не Сашка, а Александр Иванович. Уважаемый человек. В собственном офисе собственный профит кует. Фирма веников не вяжет. А между прочим, с веников-то все и началось. Я их летом по гривенни-ку закупил, а зимой по рублику толкнул.

Нет, правильно известный писатель отметил – ленив и нелюбопытен наш народ. Я бы поглубже выразился: глуп и туп. Деньга на земле валяется – не поднимет. А Александр Иваныч не побрезгует. Вот спички – мелочь, глупость, грош им цена. А если слух пустить, что в ближайшую пятилетку спички в город не завезут?.. Представляете? В спичечных отделах Воронежа и области – сквозняк, и тут объявляю я, Александр Иваныч, коробейник. Налетай: коробочка по трешке! Это раньше меня коробчилой или спекулянтном обозвали бы, а теперь – предпринимателем, бизнесменом, менеджером кличут.

Я ж – рычаг экономики, барометр. Что у нас нынче в дефиците? Зубные щетки, горчичники, мыло туалетное? Заходи, ребята! Корейкин обслужит. И за ценой договорной не постоит.

Думать надо, соображать, кумекать, мозгами шевелить. Пиджаки кожаные в ходу? А кожи, конечно, нетути? И у меня нету. Но ты к Александру Иванычу за советом приди, ручку позолоти, он тебя в магазин «Спорттоварь» отправит за боксерскими перчатками. Они ж, голуба моя, из натуральной кожи! Сто пар перчаток – полупальто. Улавливаешь? Ну так действуй!

Эх, народ – тюхи-матюхи, лапти поношенные, валенки неподшитые! Серое вещество надо интенсивней массировать, извилину указательным пальцем чаще шупать. Вот на базу видеосистемы завезли, по семь тысяч рэ. А у тебя на этой базе знакомая. Беги к ней с десятью! Этот видак за первым же углом за двадцать возьмут. Смекаешь?

«Тойота» кому-то снится? Губа не дура. Ну так найди богатеньких буратин, поменяй им рубли на доллары, организуй поездочку в Японию – пусть они курасивую жизнь наблюдают. А ты их доллары сложи и прямиком – на автосвалку. Усекаешь? В родном Воронеже эта «Тойота» с двумя царапинами на багажнике знаешь по сколько пойдет? Ты и буратинам золотые вернешь, и ценителя японского автотранспорта осчастливишь.

Ох, люди, люди, дураки дурацкие. У Александра Иваныча таких прожектов – большая корзина и маленькое ведерко. А почему? А потому, что он с интеллигенцией дружит. Он их подкармливает, этих лопушков очкастых, этих дуриков начитанных. Одна крупная купюра на них действует деморализующе. Она их слабит. Вот тепленькими их и надо брать. Идея нынче – товар. Так что крутите шариками, недотепы вы мои застошные.

А. КОРЕЙКИН, 1991 г.

13

рассуждения в морозный день

ПОФИГИЗМ КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ

Недавно я был в бане, и в парной пришлось стать свидетелем мини-скандала: постоянные парильщики сгоняли вениками с полка совершенно одетого мужчину. Ладно бы – шапка и рукавицы, на нем был овчинный тулуп, ватные штаны и валенки с галошами!.. В предбаннике мы разговорились с изгоем – им оказался театральный режиссер Игорь Нефигасебебов. В разговоре промелькнул совсем незнакомый мне термин «пофигизм», а затем я узнал, что Игорь имеет несколько необычное хобби: он – председатель Воронежского общества пофигистов. Я включил диктофон:

– Термин «пофигизм» происходит от русской идиомы-эвфемизма «а нам все по фигу». Можно сказать, что пофигизм существовал всегда – ярчайшим примером является Древняя Греция, где, как известно, жили пофигяне. Пофигизм же как движение, под которое была подведена философско-психологическая и медицинская основы, оформился семьдесят четыре года назад, когда в России были организованы первые клубы пофигистов. Затем пофигизм проник в Монголию, Восточную Европу, в Китай, Северную Корею, Вьетнам, на Кубу.

ПРОСТО
СМЕШНО

ПРОСТО
СМЕШНО

Сегодня во многих странах созданы национальные федерации пофигистов.

Пофигизм – это не только то, что ты можешь, например, тепло одеться в бане или на пляже. Одетость – не самоцель. Человек говорит: «Я есть такой, какой я есть, и ты есть такой, какой ты есть», для меня это – урок терпимости. Жарко, пот прошибает? Терпи.

Недавно я встречался с руководителем международной федерации пофигизма Николая Нибельды. Он проявил огромное желание контактов с нами, готовность помочь. Мы стали побратимами с одним из ямало-ненецких клубов. Заключены договоры о намерениях с пофигистами независимых среднеазиатских государств (так, планируется обмен опытом круглогодичного использования паранджи в условиях Черноземья).

С точки зрения медицинской есть целый ряд исследований, которые доказывают, что пофигизм просто полезен для здоровья. Люди становятся абсолютно уравновешенными, а, скажем, одевание в парилке вообще – незаменимый рецепт лечения от радикулита, ОРЗ и особенно абстинентного синдрома.

– Каковы перспективы вашего движения в условиях рынка?

– Ваш намек понял. Конечно, трудности с приобретением теплой одежды возникнут. Но философия пофигизма тем и хороша, что помогает воспитывать чувство индифферентности, это образ жизни – в гармонии с самим собой.

Я расшифровывал диктофонную запись нашей беседы с Игорем, сидя в пальто в промерзшем, практически неотапливаемом редакционном кабинете, в морозные декабрьские дни. И на себе почувствовал убедительность аргументов Нефигасебебова. Мы вовсе не призываем с наступлением летней жары стройными рядами двигаться к пляжу, натягивая по пути разные предметы туалета. Просто, встретившись с не своей, чужой, непривычной точкой зрения, давайте не будем с ходу ее отвергать. Давайте учиться терпимости, пофигизму.

1991 г.

рассказ-быль

КОРРИДА

– Было это в году восьмидесятом – я тогда работал первым секретарем райкома партии. Направили меня в составе делегации партхозактива в Испанию. Ну, сами понимаете: Пире-

неи, кастаньеты, коррида. А надо сказать, корриды этой я никогда раньше не видел. И вот ведь повезло: буквально в первый же день организуют нам места, причем рядом с ареной! Представляете?!

Где-то за полчаса до выхода собрались все у меня в номере – закусить, испанского вина попробовать, заморской сигареткой побаловаться. Вино, конечно, так себе – пришлось родную «Столичную» достать. В общем, сидим, культурно выпиваем, о крупно-рогатом скоте мнениями обмениваемся. Слышим – шофер сигналил. По-е-ха-ли!

На стадионе народу – ужас как много. Но экскурсовод быстро наши места нашел, усадил. Сидим. А жара! Испания, одним словом. Вдруг Петрович (он предрайисполкома тогда работал) шепчет мне: «Николай, ты когда-нибудь на корридной арене гулял?» Нет, отвечаю, я на этом буржуазном зрелище вообще в первый раз. «А слабо, – шурится Петрович, – прошвырнуться?». Чего ж, говорю, не погулять Перелезли мы с ним через барьерчик, гуляем. Зрители свистят – нас, значит, приветствуют. Я по кругу хожу и ручкой эдак, как с первомайской трибуны, помахиваю (потом еще этот момент в испанских газетах был запечатлен). Хо-ро-шо!

Но вдруг чувствую – что-то произошло. Трибуны стихли, и боковым зрением вижу я: Петрович, собака, к барьеру семенит и моментально на свое место перелезает. Оборачиваюсь: мать честная, – бык! Бычара огромный. Буквально рогами землю роет, копытом бьет. Ноги у меня ослабли, в животе заурчало – протрезвел, конечно, в момент. Ну, думаю про себя, прощайся, Колян, с жизнью. Помрешь красиво – можно сказать, в центре Мадрида. Одно обидно: парой ласковых штрейкбрехера Петровича не успеешь одарить. А у самого перед глазами деревенька родная, Кузьминовка, проплывает, мамаша Варвара Спиридоновна – будто смотрит она на меня печально и укоряет: «Говорила я тебе, Коляка, не возносьись высоко – больно падать будет». Ну, это я долго рассказываю, а тогда все за секунды промелькнуло, потому как бык разогнался и помчался на меня.

Ноги мои окончательно подкосились, я на траву брык и только вижу: сверху бык проносится. А вот дальше произошло такое, что и не знаю, как вам это объяснить. Короче, резво я вскочил, ухватил быка за то место, где хвост начинается, и что есть силы пнул по ходу движения. Он же, дурак, видимо, голову-то нагнул и в землю кэ-э-к врежется!.. Рухнул замертво. Оказывается, я с перепугу хребет ему сломал.

ПРОСТО
СМЕШНО

Стадион встал, все кричат, в дудки дудят, вокруг матадоры, пикадоры на лошадях кружатся. А меня вдруг мысль пронзила: «Е-мое, это ж я валютного быка ухайдакал! Из сумочных-то – всего-навсего десять долларов во внутреннем кармане. Тут целым международным скандалом пахнет». Как же мне плохо стало. Но чувствую, поднимают меня над землей и к выходу под крики толпы несут. Папарацци (это у них так фотографов обзывают) суетятся, блицы сверкают.

Наутро все газеты с аншлагами вышли: «Русский коммунист без шпаги убил капиталистического быка!» Мне и фотографии подарили – моментальные, поляроидом снятые. На одной даже, извините, изображено, как бык при падении струю пустил.

Дома, конечно же, сразу на ковер. Бюро по мне собрали. Первый обкома, Иван Степанович, сразу по обыкновению загорхотал: «Ты зачем, Николай Михайлович, заграничного быка завалил?» А на меня какой-то стих напал: хихикаю и почему-то говорю: «Да это, Иван Степанович, не бык был, а телка». «Телка? – рывкает. – А прибор кто ей приделал?» И как по той самой неприличной фотографии кулачищем трахнет! Ну, в общем, дали мне выговор с занесением в учетную карточку.

Но зато потом, как только к нам из ЦК кто-то едет, первый всегда звонит: «Приезжай, Николай, про быка на банкете расскажешь. И Петровича захвати. Машину я пришлю».

1992 г.

ХРОНИКИ

ПО ЗАСЛУГАМ!

Книжное издательство спортлитературы известило своих читателей о дисквалификации известного писателя П. Юшкина, который, побив все рекорды в тиражах, покупаемости и читаемости произведений, был обвинен в использовании допинга при создании своих якобы талантливых опусов. Анализы, взятые после побития тиража, утром в понедельник, известным председателем клуба фанов спортлитературы и игры в бридж Ф. Ломбером, неопровержимо констатировали: книга П. Юшкина, реализованная в рекордно сжатые сроки по рекордно дорогой цене, создавалась на всех спиртных парах.

– Да, книга «Аут» талантлива и, по отзывам прессы, стала заметным явлением в писательском секторе, – заявил извест-

ный в прошлом спортсмен-литератор В. Лассов. – Но разве можно допустить, чтобы неординарные произведения создавались под воздействием допинга, каковым в нашем случае явился свекольный самогон (пусть даже он не внесен в список запрещенных препаратов). Наша фирма знает себе цену и не будет дожидаться тех времен, когда ей навесят лейбл «Советский спирт».

В последний час: Как стало только что известно редакции, экспертная комиссия санитаров пригласила П. Юшкина для оглашения решения рефери. Но двое боковых и один центральный слуги Гиппократа прозевали момент, когда писатель, будучи сначала абсолютно желтым, внезапно покраснел (что запечатлено на снимке нашего фоторепортера) и, зайдя с правого фланга, двинул В. Лассова в левое ухо.

– Вот это действительно – аут! – восхитились присутствовавшие при этом почитатели могучего таланта.

подражания

ПЕСНЬ О ПЕРВОКУРСНИКЕ

Вот седой экзаменатор
 Все зачетки собирает,
 На двери висит табличка:
 «Не шуметь! Идет экзамен».
 Между дверью и курилкой
 Мечет шаг свой первокурсник,
 Черной молнии подобный.
 То рассовывая шпоры,
 То учебники листая,
 Он кричит, и в этом крике
 Препы слышат жажду бури.
 И уверенность в «стипухе»
 Слышат препы в этом крике.
 В деканате кто-то стонет,
 Стонет, мечется под дверью
 (Нам, деканам, недоступно
 Наслажденье битвой жизни).
 А отличник гордо холит
 Тело жирное на даче
 (Он – противный – автоматом

ПРОСТО
СМЕШНО

Получил свою пятерку).
 Только бедный первокурсник
 Бродит молча и упорно
 Между дверью и курилкой.
 Все мрачней и ниже тучи
 Опускаются на корпус,
 И они – совсем как люди.
 Пусть сильнее грянет буря!
 1996 г.

вредные советы

ДЕКАНА

Если экзамен с шестого захода
 Ты завалила и ждешь отчисления,
 Все ж обрати поскорее вниманье
 На неженатого, вредного прера –
 Сделай сейчас же ему предложение!
 И не беда, что он – дедушка старый,
 Преп – он живучий: протянет лет пять.

Не ропщите, что «стипуха»
 Слишком маленьких размеров.
 «Степку» можно экономно
 С пользой реализовать:
 Закупите на все деньги
 Мешок сахара на рынке,
 И тогда, конечно, сразу
 Станет сладкой ваша жизнь!..

В первый день своей учебы
 Приходи с фотоаппаратом.
 С ним пройдишь по факультету
 И сними на фотопленку
 Ассистентов и доцентов,
 И профессоров впридачу
 (Запиши их пофамильно).
 И забудь сюда дорогу
 Вплоть до сессии, до зимней.
 Только не забудь название
 Альма-матер и отдельно

Адрес полный факультета
С телефоном запиши!

ДЕКАНУ

Если хилые студенты
Вдруг внезапно заболели
Дифтеритом и бронхитом,
Холериной и ангиной
И стригущим лишаем,
В календарь настольный можешь
Не заглядывать, декан –
Это значит, очень скоро,
Скоро сессия нагрянет!
Эпидемия проходит
Только с сессии концом.

Если к вам пришел пожарник
С топором и в медной каске
И ругает за студентов,
Что курили в коридоре,
В раздевалке, холле, классах
И в подвале с чердаком;
Если он на вас наложит
Штраф рублей на тридцать-сорок,
Протокол крутой напишет
И при этом нагрубит, –
Не расстраивайтесь сразу,
Не глотайте валерьянку,
Покурите в коридоре –
Сразу легче станет вам!

1997 г.

ДУМЫ ДЕКАНА

Тятя, тятя! – плачут дети,
Смотрит жалобно студент...
Вот такие наши сети,
Вот такой у нас момент.

Подпись требует коллега,
К телефону – ректорат...

ПРОСТО
СМЕШНО

Так с утра и до обеда,
И до ночи... Сам не рад.

По рассказам помню речку,
А по песням – лес и луг...
Я поставлю Богу свечку,
Если даст мне пять минут...

Лучше – час, неделю, месяц.
Вот когда я развернусь!
Славлю лень! Вина и песен!
Через тридцать дней вернусь!..
2003 г.

ФИЛОСОФСКОЕ

Как хорошо спокойно жить,
Спокойно есть, спокойно пить,
Спокойно раненько вставать,
Постель спокойно убирать,
Сходить спокойно в туалет,
Спокойно сделать марафет,
Посуду грязную помыть,
На службу не спеша отбыть,
Спокойно отвечать жене,
Поправить фото на стене,
Спокойно просмотреть газеты,
По телевизору сюжеты –
Спокойно, как и все, стареть.
К утру спокойно умереть.
2003 г.

ДАЧНОЕ

Звуки «скорой», лай собаки,
Дворничиха вновь орет
(С алкашом у них до драки
Вновь дискуссия дойдет).

Где-то музыка играет,
Где-то песенки поют:

Город трудно засыпает –
Молодые не дают.

Мне бы выбраться на дачу,
Где покой и лепота,
Где душевных сил не трачу –
Отступает суета.

Где тюльпаны и пионы
И калина бульдонец,
Где – без копоты, бетона,
Без бензина, шума без.

Голос трактора чарует,
Озонирует компост.
Душу дача формирует,
В ней – залог метаморфоз!
2003 г.

ШТРИХИ

Будь ты порядочного роста –
Стать фотомастером непросто!
Но мастер фото Юрий Рост
Совсем не прост, совсем не прост...
2003 г.

ПИОН И РОЗА

«Удивительный все-таки цветок – пион. Царственная роскошь его бутонов обидно недолговечна. День-два, и розетки осыпаются. Как это несправедливо! Весь год он копит силы, наливается соками земли. Вбирает солнечную энергию, потом разом вспыхивает мощным розовым пламенем, которое так же стремительно опадает, лепестки словно обугливаются, становятся коричневыми, да и сочные листья мало-помалу начинают подсыхать, к концу лета они уже совсем пожухнут. А вот розы цветут непрерывно с июня по ноябрь. Но зато они без запаха. У пиона же аромат редкостный, пьянящий».

Из наблюдений известного садовода.

Пион был простак. Не пижон:
Не лез без причин на рожон,

ПРОСТО
СМЕШНО

Не метил Пион в чемпионы,
 Скромнен был с рационам,
 Со всеми жил в унисон,
 Вносил свой вклад в озон,
 Который давал газон
 (Прошу, конечно, пардону,
 Но не был пион Аполлоном).
 Впрочем, так, соблюдая законы,
 Отдавая ветрам поклоны,
 Сезон за сезоном,
 Жили сотни простых пионов.
 И вот, не чуя угрозы –
 За исключением морозов,
 Цвел спокойно Пион,
 Пока вдруг
 (И это вовсе не сон,
 Это вовсе не грезы!)
 Пока не увидел Розы.
 Сначала он был удивлен,
 Потом восхищен, изумлен,
 Смущен, оживлен, просветлен...
 Влюбился наш бедный Пион!
 И вмиг его скромный бутон
 Вспыхнул розовым: пламя!
 И стал он уже не смешон:
 Стоял Пион гордый, как знамя.
 Но холодная Роза надменно
 Лишь охорашивала лепестки –
 Она, недоступная, неизменно
 Презирала другие цветки
 (Не знал наш Пион, что был обречен)...
 Как всякий неискuschenный влюбленный,
 Сначала он стал раздраженным,
 Потом удрученным,
 И наконец – изможденным.

В финале – грустная проза:
 Не полюбила Роза.
 Увял наш Пион. Но стона
 Не дождались от Пиона.

2003 г.

ЭТО – ЖИЗНЬ

Солидные дамы сидели в джакузи
(Уютно журчала меж ними вода) –
Одна много лет проработала в вузе,
Другая в театре блистала всегда.

Вели разговор – и приятный, и праздный –
О них (ну конечно, о них!) – о козлах:
«Какой же мужчины народ безобразный –
Небриты, пропиты и в мятых штанах».

«И я удивляюсь: откуда, откуда
Они – толстобрюхи и крайне грубы?!..
Был мальчик – ну ангел, ну прелесть, ну чудо!
И друг – просто хам, порушитель судьбы!!!»

В соседней парилке – размякшие двое
(С телес тяжело опадала вода),
Один – бизнесмен, порицатель застоя,
Другой среди местных был шоу-звезда:

«Ведь помню, дружил я с чудесной девчужкой:
Косички и глазки, и мед-голосок –
Пивца, прерываясь, хлебнувши из кружки,
Он грустно добавил, – Ушло, как в песок.

Теперь – только ор и лишение зарплаты:
«Не пей! «Не гуляй!» и «К друзьям – ни ногой!».
«Они – генералы. А мы – лишь солдаты:
Стоишь? Нет, беги! Побежал? Ну-ка, стой!»

Но вот завершился сеанс «терапии»,
И с потом рабочим их страсти ушли.
Уже в раздевалке: «Готова я, милый!», –
И к выходу пары, воркуя, пошли.

2004 г.

СОРОК-А*

Хор (на мотив песни «Что так сердце растревожено»):

Сердце бедного студента растревожено,
Словно ветром тронуло струну:
О журфаке много песен сложено,
Мы споем сейчас, споем еще одну.

Декан («Ах, эта девушка»):

Студентку встретил я:
Полумесяцем бровь –
В зачетке двочки,
А в глазах любовь.

Ах, эта девушка
Журфак с ума свела,
Сердца разбила всем,
Покой взяла!

Ушла от нас она,
Вместе с нею – любовь.
В зачетке двочки,
Полумесяцем бровь.

Ах, эта девушка
Журфак с ума свела,
Сердца разбила всем,
Покой взяла!

Отчисленная студентка («А напоследок я скажу»):

А напоследок я скажу:
Прощай, любить не обязуйся.
С ума схожу
Иль восхожу к высокой степени безумства.
Декан любил?
Он пригубил погибели.
Не в этом дело.
Приказ родив,

Он погубил.
И погубил меня умело.

Студенты-иностранцы (поют с акцентом на мотив песни
«На побывку едет»):

Отчего у нас в общаге
В комнатах переполох?
Кто нас поднял спозаранок,
Кто нас так встревожить смог?
На проверку вышел
Нынче студсовет,
Потому что в классах
Иностранцев нет.

Студент-первокурсник («Милая»):

Монченко, ты услышь меня –
У двери стою я с зачеткою!
Так взгляни ж на меня
Хоть один только раз –
Ярче майского дня
Чудный блеск моих глаз.

Е.В.Монченко («Отойди, не гляди»):

Отойди, не гляди,
Скройся с глаз ты моих!
Сердце ноет в груди,
Нету сил никаких.
Интернет изучи
И тогда приходи,
А пока – отойди!

Комендант («Ты сама догадайся»):

Хользунова, журфак, ночка темная:
Спят вахтеры, спит друг и спит враг,
Лишь в углу, рядом с дамской комнатой
Что-то рубит и пилит Гаг.

Почему он все ночи здесь полностью
Все торчит от звонка до звонка?

ПРОСТО
СМЕШНО

Можешь сам догадаться по голосу
Ультратомоэлектростанка.

Студент, сдавший практику А.Е. Богдавленскому на улице
("Отцвели хризантемы»):

Наконец-то мы с вами встретились,
Я от радости, как тюльпан, расцвел,
А в моей груди расцвело тогда
Благодарное чувство любви.
Я вам практику сдал рядом с домом, в саду,
Хорошо, что о том наш не знает декан.

Хор кафедры СМК и рекламы о Л.Г. Люличевой ("Три года
ты мне снилась»):

Нам ее сравнить бы надо
С громом, штормом, бурей,
С вьюжным утром, с буйным садом
И, простите, с фурией,
С самолетом, поездом,
С катером, ракетой
Лида – вечный двигатель,
Мобиле перпетуум!

Хор кафедры СМК и рекламы ("Песня Верещагина»):

Ваше благородие, госпожа Реклама,
Мы с тобой друзья давно – вот такая драма.
В шелковые сети
Ловишь ты меня.
Без тебя на свете
Не прожить и дня.

Ваше благородие, госпожа Пиария,
Имиджем продвинутым замену-ка харю я.
Пресс-релиз в конверте
Погоди не рви.
Я хорош – поверьте,
Заслужил любви.

Ваше благородие, Дама-Журналистика,
И с тобой друзья давно – вот такая мистика.

Перестанем в прессе
Клясться на крови.
Право, интереснее
Думать о любви!

** Факультет журналистики ВГУ располагается на ул. Хользунова, 40-а.*

2002 г.

байки

ПОЛОСАТЫЙ ВЫГОВОР

Шел очередной съезд партии, и поскольку все газеты в течение недели публиковали обязательные официальные материалы, приходившие по телетайпу, у журналистов образовался солидный тайм-аут. В редакции нашей молодежной газеты было решено поработать впрок – подготовить что-нибудь интересное, читабельное, «вкусненькое». В Уфе в те дни гастролировал Вальтер Запашный со своими тиграми. Заведующий отделом пропаганды, энергичный выпускник Высшей комсомольской школы, назвал знаменитого дрессировщика к нам в гости, на восьмой этаж. Со всего Дома печати сбежались любопытные поглазеть на знаменитость, тем более, что он пришел не один, а с яркой красавицей-женой, облаченной в не менее яркую шубу из натурального меха, а главное, еще и с огромным тигром на поводке.

Зверь важно прошествовал по коридору, остановился почему-то у секретариата и под гробовое молчание пустил долгую струю. Затем толпа двинулась по направлению к кабинету редактора. Запашный, как всегда, был остроумен, рассказывая о своей династии, о сложностях и тонкостях работы с хищниками, о новой программе. Все были восхищены и напоследок захотели сфотографироваться на память. Тигра усадили в редакторское кресло, остальные расположились вокруг.

Уже через полчаса после ухода цирковой делегации в редакции начался переполох. Кто-то из заклятых друзей, представлявших партийные газеты, успел позвонить в обком: мол, в то время, когда вся страна, затаив дыхание, слушает отчетный доклад генерального секретаря КПСС А.И. Брежнева, эти

27

ПРОСТО
СМЕШНО

ПРОСТО
СМЕШНО

якобы комсомольцы... Особенно партийное руководство возмутил факт натурального подсиживания тигром действующего редактора.

В общем, энергичный выпускник ВКШ схлопотал выговор, отсутствовавшему редактору поставили на вид, а журналисты молодежки еще долгие месяцы показывали гостям внушительных размеров жирное пятно, оставленное полосатым красавцем на ковре у двери секретариата.

1998 г.

ПОГРАНИЧНЫЙ ИНЦИДЕНТ

В середине восьмидесятых годов мне посчастливилось в составе первой после возобновления отношений между СССР и КНР группе преподавателей русского языка и литературы поработать в течение одного учебного года в Пекинском институте иностранных языков. В июле, когда контракт закончился, мы отправились домой поездом. Почти недельное путешествие началось с забавного (по крайней мере для наблюдателей) случая на границе.

В соседнем со мной купе расположилась молодая семейная пара западных немцев и вьетнамец-журналист. Перед Забайкальском поезд остановился на китайском пограничном пункте, и в вагон с проверкой зашли пограничники. Особенно тщательно они стали досматривать вещи и документы вьетнамского коллеги (в скобках замечу, что в ту пору ДРВ и КНР находились в состоянии войны). Его куда-то повели чуть ли не под конвоем и доставили несоро, даже задержав поезд. Мы с сочувствием встретили взволнованного, совершенно расстроенного соседа, и поезд тронулся.

Вскоре прибыли в Забайкальск, и в вагон зашли уже советские пограничники. Достаточно формально отнесясь к нам и к вьетнамцу, они буквально перерыли весь багаж немцев, придирались к документам и вели, можно сказать, перекрестный допрос. В это время вьетнамец, совершенно удовлетворенный, если не сказать счастливый, стоял в коридоре, по бедно поглядывая по сторонам.

В таком состоянии журналист и пребывал до самой Москвы. Часами наблюдая проносящиеся мимо нас пейзажи, он все время приговаривал: «Очень большая страна, очень большая страна».

1998 г.

ЕЩЕ НЕ ВСЕ

В той же командировке мне выпала редкая по тем временам удача посмотреть почти все матчи чемпионата мира по футболу, которые китайское телевидение транслировало или в записи, или в прямом эфире. Накануне матча СССР – Венгрия меня и коллег – словака и венгра – пригласили в одну компанию посмотреть вместе эту игру. Надо сказать, что венгр довольно недружелюбно относился к советским преподавателям, как будто это именно мы вводили в Будапешт танки в том далеком 1956 году. И когда хозяин (кажется, это был американец) перед самой трансляцией подначил его: «Ну, сейчас русские зададут вашим!», – он довольно резкоотреагировал: «Русские никогда не умели играть в футбол!». В ответ я только хмыкнул.

Игра началась, и болельщики со стажем помнят, как быстро рос счет в пользу наших: 1:0, 2:0, 3:0, 4:0... Когда был забит пятый гол, словак Владислав посмотрел на меня, сохранявшего невозмутимое спокойствие, и, видимо, что-то заподозрив, воскликнул: «Еще не все?!». «Еще не все», – холодно ответил ваш покорный слуга. Дело в том, что матч шел в записи, и я уже с самого утра (к счастью или к несчастью?) знал, что сборная СССР выиграла 6:0.

1998 г.

НАШИХ БЬЮТЬ!

С коллегой из провинциального вуза мы особенно подружились, когда он узнал, что я заядлый болельщик, тем более – «спартаковец». Мы вспоминали с ним разные матчи, любимых футболистов, а затем разговор перешел на случаи из жизни.

Прежде чем рассказать один из самых забавных, следует вам поведать о моем знакомце – назовем его Иван Эдуардович, – судьба которого сложилась нелегко. Его отца, тогда еще молодого парня, в начале тридцатых отправили в лагерь. Каким-то образом он сумел оттуда сбежать. Будучи русаком до седьмого колена, отец, видимо, знал польский язык, потому сумел выдать себя за поляка, взяв имя Эдуард. Обзавелся семьей и мирно трудился в одном из украинских колхозов. Когда пришли фашисты, ушел в партизаны, но периодически проводывал свое многочисленное семейство. В один из приходов, к несчастью, был убит

Так вот, Иван Эдуардович, уже сам отец семейства, смотрел как-то вместе с матерью-старушкой хоккейный матч СССР – Польша, который наши сенсационно (кажется, в первый и последний раз) проигрывали. Иван Эдуардович страшно переживал, и тогда матушка, видимо, желая его утешить, сказала: «Ванюша, а твои-то наших бьют!»..»

1998 г.

ДВАДЦАТЬ ДНЕЙ СЧАСТЬЯ

– Случилось это со мной, мужики, еще при Никите-Кукурузнике. Работал я грузчиком в магазине «Овощи и фрукты», и послали меня на склад ящик какой-то притаранить. Спустился: мать моя-женщина, винаща – залейся!.. Я и остался. Надолго. Недели на три. Или четыре. Не помню. Проснусь, бутылочку приму, квашеной капусткой закушу – и на боковую. Посплю, проснусь, бутылек опрокину, моченого яблочка поем – и опять бай-бай. Что характерно, мужики: абсолютно не страдал похмельем.

Бабка моя уже девять дней справила, готовилась сороковины отмечать, но тут меня нашли. Бдительность я потерял – забыл спрятаться, заснул на самом виду. Эх, три недельки всего и пожил-то. В коммунизме.

1998 г.

ТАКИЕ РАЗНЫЕ ГРУЗИНЫ...

Когда я учился в аспирантуре, то хотя бы раз в год приезжал в Москву позаниматься в знаменитой Ленинке – главной библиотеке страны. Поселялся чаще всего в общежитии у друзей, но приходилось жить и в гостиницах. Интересно, что почти каждый раз там моими соседями оказывались грузины.

Нодар Габуния, заместитель директора научно-исследовательского института чаесборочных машин (за точность названия не ручаюсь), появился в номере глубокой ночью с бочонком вина и ящиком чачи. Сразу мы не успели познакомиться – прежде всего по причине абсолютно нетрезвого вида ночного гостя.

Вечером же, придя из библиотеки, я застал Нодара за починкой брюк. Он церемонно представился, а затем, откомментировав свое занятие: «Если брюки рвутся, надо или жепниться, или разводиться!» – стал названивать своим многочисленным московским барышням (что-то вроде «Ларису Ивановну хочу!»).

30

ПРОСТО
СМЕШНО

Чуть позже меня навестили земляки. Нодар, покосившись на нашу нехитрую закуску, резко приказал: «Валодя, убэри это!». Вскоре стол буквально ломился от яств: мясо, лаваш, фрукты, зелень, ну и, естественно, тот самый бочонок с вином. Описывать дальнейшее вряд ли стоит (кто знаком с грузинскими обычаями, тот меня поймет).

Наутро я решил труднейшую логическую задачу: неужели это «очень легкое» кислое вино так способно отшибать память? Абсолютно бодрый энергичный Нодар хлопотал по хозяйству, и я с ужасом увидел, что стол стал еще краше вчерашнего, а спиртной ассортимент даже расширился – за счет чачи.

– Ко мне друг важный сэчас придет. А ти вставай, готовься. Очень ти слабый человек, Валодя...

Всю неделю Нодара посещали важные гости, – меня спасала лишь Ленинка. Затем он на недельку укатил в Венгрию, оставив мне свои документы и бутылку чачи с наказом жить полнокровно, а не губить свои молодые годы в книгохранилищах.

Когда же после загранкомандировки Нодар зашел ко мне за паспортом и увидел в шкафу так и недопитую бутылку чачи, он с непередаваемым сожалением посмотрел на меня и прибавил: «Какой ти слабый человек, Валодя!..»

Гиви же оказался полной противоположностью Нодару. Тихий лауреат государственной премии, слыша, как за стеной бушуют его земляки, все время повторял: «Вот из-за таких, как они, вы думаете, что все грузины богачи. Ну нет у меня плантации – я обычный математик, живущий на одну зарплату. А с меня портье пыталась за кем-то сломанную ручку – вон там, в ванной, – деньги содрать!..»

2001 г.

...И ВЬЕТНАМЦЫ

Мой товарищ – аспирант социологии уезжал на две недели в командировку и любезно предложил пожить в его комнате. Только попросил: «Мой сосед – вьетнамец. Звать его Биен. Он тоже пишет диссертацию. На русском. Может быть, ты ему поможешь с правкой?» Конечно, я согласился.

Днями я занимался все в той же Ленинской библиотеке, а вечерами пытался в толпе студентов и аспирантов незаметно пробраться в комнату земляка. Но каждый раз меня задерживали на вахте – потом мне объяснили, что вахтерами в общежитие Академии общественных наук по традиции работают

ПРОСТО
СМЕШНО

бдительные ветераны контрольно-пропускной службы Комитета государственной безопасности. И каждый раз другой приятель приходил мне на выручку, используя только ему ведомые методы переговоров с предъявлением и возвратом моих документов.

Биен оказался председателем вьетнамского землячества, и поток ходоков к нему был, кажется, нескончаем. Он проводил партийные собрания, разбирал всевозможные конфликты, а последних было немало. Например, один студент 3 курса настолько подружился с советскими братьями, что напрочь забросил академические занятия, полностью отдавшись науке бражничанья и русского мата (надо сказать, матерился он просто виртуозно и без акцента). Другая вьетнамская студентка сошлась с советским парнем и затем честно призналась об этом соотечественникам, которые этот факт осудили и направили делегацию в комнату Дон Ивана выразить тому общественное презрение. Один случай был просто трогательным: целую неделю в общей кухне висело такое объявление: «Товарищи! Кто украл вареную курицу, верните, пожалуйста, в комнату N».

Настал день, когда мы уселись с Биеном за его диссертацию, и на каждый вопрос («Ты имел в виду это или то?») он отвечал вежливо утвердительно. Так что за освещение развития пролетарского движения в провинциях Вьетнама в 30-х годах XX века я также несу часть ответственности.

Как-то мы с друзьями решили посидеть вечером, пригласили и Биена, который обещался попотчевать нас блюдами вьетнамской кухни (сразу скажу, что это было нечто потрясающее!). После того, как разлили по первой, Биен заставил нас подняться и торжественно произнес: «Предлагаю тост за XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза!». Наши лица стали удивленно-серьезными: мы не думали, что скромное аспирантское застолье приобретет столь серьезный статус. Это была первая и пока последняя политическая вечеринка в моей жизни.

2001 г.

ЧИТАТЕЛЬ ОБИЖАЕТСЯ

Два случая из жизни воронежской газеты «Эфир-365», которую я в свое время редактировал.

В редакционном портфеле скопились интересные жанровые фотографии, и мне пришла в голову идея печатать их в

сопровождении стихов – своеобразных «текстовок». Один снимок изображал музыкантов, среди которых выделялся забавный сосредоточенный трубач. Я спросил своего друга Вадима Кулиничева, не вдохновляет ли его эта сценка?.. «Вдохновляет», – просто ответил он и через денек-другой принес свою поэтическую зарисовку, которую мы затем озаглавили – «Заводской оркестрик». Получилось, на мой взгляд, очень хорошо:

Нос уткнувши в нотный реестрик,
Ничего не видя вокруг,
Заводской, затрапезный оркестрик
Из себя выпускает дух.

Каждый очень сосредоточен.
Вдохновения нет как нет.
Дуют в дудки свои что есть мочи,
Оглушая весь белый свет.

Только что это? Что за трюки
Вытворяет музколлектив?=
Чем я дальше, тем чище звуки,
Тем пронзительнее мотив!..

Заполняя воздух осенний
И расшвыривая воронье,
Марш старинный печальной России
Разрывает сердце мое.

Буквально в день выхода газеты раздался телефонный звонок: возмущенный читатель, узнав себя на снимке, требовал опровержения, поскольку он – профессионал – никогда в заводском оркестре не играл и вообще, мы нанесли урон его репутации. Не помню уж, как мне удалось его успокоить, но, видимо, пришлось говорить что-то об особенностях художественной фотографии, о жанре фотоэтюда, о поэтической фантазии...

Еще смешнее вышло с рассказом одного журналиста, в котором тот поведал о чиновнике, буянившем всю ночь в купе поезда Воронеж-Москва. Один большой по местным масштабам начальник почему-то узнал в антигерое себя (хотя я основательно прошелся по новелле редакторской рукой, не держа в памяти ни одного подобного реального случая) и

также жаждал сатисфакции. Заведующая отделом рекламы в течение месяца нудила: «Опубликуй опровержение, ведь он – наш основной рекламодатель», на что я огрызнулся: «Не хочу войти в историю в качестве редактора, напечатавшего опровержение на опубликованный юмористический рассказ».

2001 г.

«И СОЕДИНИЛИСЬ БЕРЕГА!»

Так назывался репортаж об открытии нового моста через Уфа-реку, опубликованный в «Вечерке». Поскольку газета подписывалась в печать уже в полдень, мой товарищ вместе с фотокором накануне побывали на месте, когда на мосту проходили последние испытания.

Снимок получился хоть куда – на всю ширину газетной полосы, репортаж также вышел динамичным и оптимистичным. Буквально перед тем, как начали печатать тираж, в редакцию кто-то позвонил и сообщил, что мост рухнул. В отделе новостей отмахнулись от звонка, ведь шутников и в те времена хватало. Но после того, как «Вечерняя Уфа» разошлась по киоскам и подписчикам, пришло официальное подтверждение: был пал!.. Испуганный редактор тут же вызвал на ковер горе-автора и гневно спросил, почему тот заранее не поинтересовался, все ли в порядке с мостом? На что совершенно обалдевший репортер ответил: «Если бы я задал строителям такой вопрос утром, то уже после обеда наверняка сидел бы в тюрьме как первый подозреваемый». Но логика не подействовала на редактора, тут же лишившего моего приятеля законного гонорара (про выговор не помню).

История получила продолжение через несколько дней. Я с моим шестилетним сынишкой ехал в электричке. В пригородных поездах нередко залеживаются газеты недельной давности – так, видимо, получилось и с этим злополучным номером. Какой-то пассажир скучного вида, угрюмо читавший «Вечерку», вдруг резко отбросил ее в сторону и почему-то глядя прямо на меня прорычал:

– Ну врут же! Ох и врут! «И соединились берега!» Как же! Я только что проезжал мимо этого моста, ничего там не сделано – его еще минимум года два будут восстанавливать. Трепачи!

Сынишка решил поддержать разговор:

– А мой папа в «Вечерней Уфе» работает, – гордо заявил он и посмотрел на меня, ожидая одобрения.

2001 г.

ПЕРВАЯ ФОТОСЪЕМКА

Вове Хомину повезло – его, совсем молодого паренька, приняли в штат областной партийной газеты фотокором. И одним из первых заданий оказалась съемка ветеранов войны, которых пригласил на прием самый что ни на есть Первый секретарь.

Все было торжественно, чинно: речи, подарки, цветы. А потом гостей пригласили в просторный зал, где по традиции их запечатлевали на память (завтра все газеты должны открыться их огромным коллективным фото). Ветераны, облаченные в парадные мундиры, увешанные орденами или колодками, привычно строились, составляя некую композицию. Им помогали опытные фотокорреспонденты, также из года в год участвовавшие в этой процедуре.

Вова Хомин (для своих – Хома), несмотря на свой уже тогда внушительный вес, был очень энергичным человеком и, что называется, без комплексов. Он довольно бесцеремонно обходился с полковниками и генералами, заставляя их меняться местами, поправляя что-то в их одежде, покрикивая. Старички принимали все это достаточно спокойно, понимая – человек работает!

Но вот группа готова, все застыли в ожидании «птички». Тут-то Хома и заметил непорядок: в стройные ряды бывших фронтовиков почему-то затесался товарищ в штатском.

– Эй, музык (у Вовы были нелады с дикцией) без орденов, отойди-ка в сторону, не видишь, сто ли, – снимаем?

«Музык» покорно вышел, ряды сомкнулись, съемка началась. Но Вова сразу почуял что-то неладное: какая-то странная тишина повисла в зале сразу после его реплики. Уже через минуту он узнал, кого так бесцеремонно выставил: «Самого товарища Шарипова!»

Три дня Хома не появлялся в редакции, но все обошлось – видимо, Первый, знавший всех фотокорреспондентов в лицо, понял, что перед ним был новичок – молодой, но из ранних.

С годами Вова не утратил ни энергии, ни здорового нахальства. Обычно он почти ногой распахивал двери кабинетов первых секретарей райкомов, разваливался в кресле и требовал: «Натяльник, масыну давай! Ласполяжение товалися Салипова!», – что означало: «Начальник, машину давай! Распоряжение товарища Шарипова!» А что, ведь они были старыми знакомыми.

2001 г.

О ПОЛЬЗЕ ЧЕРНОЙ ТУШИ

Толя прослужил художником в областной партийной газете, наверное, всю свою профессиональную жизнь. Работа была непыльная: отретушировать фотографии в номер, изменить цифры в карте намолота зерновых, иногда обновить рубрику, сделать рисунок к очерку и отнести иллюстрации в цинкографию для изготовления клише. Таким образом, будучи человеком не только относительно свободным, но и веселым, Толя позволял себе расслабиться, бывало, что и на рабочем месте.

Как-то утром страждущие журналисты заглянули в его кабинет – Толя старательно ретушировал снимки, используя белую гуашь и черную тушь. Он охотно отвлекся от работы, налил в стакан живительной влаги и уже решил принять на грудь, как дверь открылась – это редактор решил после планерки пройтись по отделам. «Как дела, Анатолий?» – спросил Николай Иванович. «Да вот, фотографии ретуширую», – бодро ответил художник и, окунув кисть в стакан, стал энергично ею в нем помешивать. «Ну-ну, продолжайте», – сказал редактор и продолжил проверку. Замешательство продолжалось всего несколько секунд: «Так ведь тушь-то на спирту!» – воскликнул Толя и, не моргнув глазом, махнул «дежурные 150». В это момент он был похож на Архимеда, вскричавшего в свое время «Эврика!» – правда, совсем по другому поводу

2001 г.

«ДОБРОЖЕЛАТЕЛИ»

Во времена партийной прессы (а другой по сути у нас не было) находилось немало добровольно бдящих помощников секторов печати. Именно они, эти внимательные читатели, телезрители, радиослушатели, сигналили «куда надо», если журналисты «нарушали линию». Как редактора информационно-рекламного приложения меня, правда, не вызывали «на ковер», но несколько крайних ситуаций – впрочем, не имевших каких-то последствий, оргвыводов, – припоминаю и я.

Под рубрикой «О том, о сем» был опубликован полезный совет художникам, чертежникам: если, мол, вы слишком зачернили карандашный рисунок, то мякишем хлеба можно излишнюю черноту снять. В горьком партии поступило гневное письмо, автор которого возмущался: в то время как вся

ПРОСТО
СМЕШНО

страна борется за урожай, вы даете такие антигосударственные советы.

В юмористической колонке я поместил анекдот про сообразительного габровского паренька, который в кондитерском магазине предпочел шоколадного мальчика шоколадной девочке (цена у таких своеобразных конфеток была одна, но). Телефон трезвонил всю неделю: одни восхищались смелостью редактора (сегодняшним молодым это, конечно, трудно понять), другие грозились пригвоздить за пошлость.

Подборка брачных объявлений появилась в «Уфимской неделе» одной из первых в стране. Но поначалу тиражирование газеты было приостановлено по требованию начальницы отдела рекламы издательства, и она с сигнальным экземпляром помчалась в обком. Выслушав ревнительницу нравственности, в обкоме поинтересовались, где еще печатаются подобные объявления? Та саркастически ответила: «В Прибалтике!» «А что мы хуже прибалтов, что ли?» – неожиданно заявил поборник суверенных прав и дал отмашку «Добро!»

2001 г.

НАСЛЕДНИК ГИППОКРАТА

С Борисом Аркадьевичем мы сидели в одном кабинете редакции городской газеты. Этому плотному мужчине ничто человеческое не было чуждо: поэт и матерщинник одновременно, он оживлялся при виде женщин и хорошей еды.

Начало жизни Б.А. было бурным – ему даже пришлось на несколько лет уехать куда-то на Север, пока в родном городе не были забыты прегрешения его туманной юности. «Северную главу» своей жизни Борис Аркадьевич окутывал флером загадочности и романтизма: иногда забывая прошлые версии, он предстал в своих рассказах то заместителем редактора краевой газеты, то председателем телерадиокомпании всей Чукотки. То же относилось и к его родословной: чаще всего он настаивал на отце-генерале.

Между тем Борис Аркадьевич был настоящим профессионалом: будучи спортивным репортером, он не гнушался и очеркистикой. Его творческая натура жаждала впечатлений, неожиданных встреч, но всего этого в провинциальном городе, увы, не доставало. Тогда, видимо, и произошло в душе Б.А. слияние фантазий и реалий, которые чудесным образом перемешиваясь, делали его жизнь чуть-чуть цветнее.

37

ПРОСТО
СМЕШНО

ПРОСТО
СМЕШНО

Я торопился по какому-то редакционному заданию и пытался поймать такси. Они, как всегда, ехали «в парк», и перед мной затормозил частник. Уже забираясь на заднее сиденье, я увидел, как из этой же машины вышел Б.А., освободивший переднее сиденье, – мы даже не успели перекинуться двумя словами. Несколько минут шофер ехал в задумчивости, вздыхал и сокрушенно цыкал.

– Что-то случилось? – спросил я водителя.

– Какой человек, какой человек! – несколько раз повторил тот и восхищенно покрутил головой.

– Это вы про кого? – я уже понял, что Борис Аркадьевич только что разыграл сцену.

– Да вот пассажир со мной ехал – заслуженный онколог Советского Союза! Когда еще был пацаном, у него на руках умерла бабушка от рака, и тогда он поклялся стать медиком, чтобы победить эту заразу. И ведь победил: на сто операций у него девяносто успешных! Какой человек!..

Осталось только согласиться – не разрушать же веру человека в доброе, вечное...

2001 г.

«ОХ, УЖ ЭТОТ КЛЕЙКИН!»

Когда я смотрю мультфильм о непоседливом школьнике Бармалейкине, непременно вспоминаю коллегу Клейкина, с которым пришлось работать в молодежной газете. Это был высокий, симпатичный парень с вечно плутоватым выражением лица. Приехал он, кажется, из Москвы и сразу же проявил себя как бойкий репортер. Я работал замом ответственного секретаря и в принципе был доволен его работой: новости, материалы в номер Клейкин сдавал вовремя, особых претензий к содержанию его публикаций не было. Отношения наши были ровными, деловыми.

И вот пришлось мне выехать в командировку в Белорецк – готовить статью ко Дню металлургов. Побывал на местном комбинате, в училище металлургов, поговорил с нужными людьми – можно было отправляться домой. И вдруг сообщили, что через день прибывает группа студентов во главе с младшим сыном Блюхера, совершающая рейд по местам боевой славы героического комдива. Как было не задержаться, но командировочные были уже на исходе. И я обратился к секретарю райкома с просьбой ссудить меня небольшой суммой, пока из редакции не придут деньги, высланные телегра-

фом. Молодая женщина как-то сразу замялась, и мне стало вдвойне неловко. Заметив это, она объяснила: «Тут месяца три назад был ваш Клейкин, тоже занял денег, но до сих пор не прислал их». По приезде я сделал выговор коллеге, но он достаточно беспечно отреагировал на это, намекнув на особые отношения с милостивым секретарем райкома.

Второй раз фразу, начинавшуюся со слов «Тут был ваш Клейкин», мне пришлось услышать в кабинете секретаря парткома Ишимбайской трикотажной фабрики, которая поначалу вообще не хотела меня пропускать на территорию предприятия. Более того, она вызвала комсорга и стала метать громы и молнии: «Книг из подписных изданий набрал, деньги в кассу не вернул и вон что наделал!..» На этих словах она перстом указала на интересное положение «комсомольской богини», понуро стоявшей у двери.

Наконец, третий случай, всплывающий в памяти, был связан с выпуском праздничного номера, который мы готовили в течение месяца: впервые перешли на таблоидный формат, увеличили вдвое объем газеты, поместили несколько «гвоздевых» публикаций. Поутру мы ждали поздравлений: номер действительно вышел хоть куда, да и оформлен был по-особому, с применением дополнительного цвета. Одним из ударных материалов был репортаж Клейкина о том, как в шахте устранили аварию. Поскольку репортер сам спускался в шахту, материал получился динамичным, с интригой, многими красноречивыми деталями. Нам действительно позвонили. Это были разъяренные шахтеры, которые ругали нас на чем свет стоит. Все было придумано и перепутано. Вызванный на ковер Клейкин объяснил, что это был чистый вымысел, что в шахту он никогда не спускался, но ему об этом рассказывал сосед по комнате в общежитии. Кажется, это был последний газетный опус Клейкина, не лишнего литературного дара.

2004 г.

МИР ПОИСТИНЕ ТЕАТР

В замечательной курилке знаменитой «Ленинки» встретил свою однокурсницу, которая, как и я, готовилась к защите диссертации. Вспомнили студенческие годы, общих знакомых, а напоследок Алина спросила, не хотел бы я сходить в какой-нибудь из московских театров. Она бы еще спрашивала! Конечно, хочу! А надо сказать, что в семидесятых-восьмидесятых годах прошлого века попасть в хороший столичный театр было не так просто.

Мы договорились, что я позвоню вечером – к тому времени все устроится с билетами. Телефонный разговор был краток: «Жди на станции Маяковского у первого вагона. К тебе подойдет».

До условленного времени оставалось еще минут пятнадцать. Я сидел в ожидании на лавочке. Рядом примостился какой-то мужчина, который через некоторое время ушел, почему-то оставив портфель. Через минуту подсел другой товарищ, взял этот портфель и не спеша удалился. Я с подозрением оглядел лавочку, почувствовав себя героем «Мертвого сезона» накануне провала, и тут же покинул ее. «Это вы однокурсник Алины?» – прозвучало почти как пароль. Мой отзыв был простым: «Да». Девушка передала два билета с оторванными контролями и начала инструктаж: «На входе две старушки. Нам велено подойти к той, которая пострашней, показать ей билеты, зажав ту часть, где были контрольные корешки, и тихо сказать: «Мы от Марь Ивановны».

У входа дежурили дружинники с красными повязками. Они то и дело выводили «зайцев». Тревога нарастала... Я стал приглядываться к билетершам. Обе мне показались страшными, но, видимо, внутреннее чутье меня не обмануло, когда я обратился к той, что стояла у левой двери. Увы, она оказалась еще и глуховата, и на недовольный вопросительный возглас мне пришлось почти в ухо ей процедить отчетливым шепотом: «Мы от Марь Ивановны». Старушка отпрянула, но пропустила нас обоих. До раздевалки я шел на полусогнутых, думая: «Вот сейчас-то блюстители порядка нас и спапают, и с позором выведут на улицу». Обошлось.

Согласно инструкции мы должны были сразу же после первого звонка подойти к бельэтажу, найти дежурную Наталью Степановну, сказать ей, что мы от Веры Сергеевны (той самой, более страшненькой) и передать ей деньги за билеты (кстати, по номиналу). Переведа дух в буфете, мы двинулись на поиск Натальи Степановны, которая сразу же все поняла, и глядя куда-то вдаль, отвела правую руку немного за спину, сделав ладонь лодочкой. Туда-то я и переправил смятые рубли из своей запотевшей длани. Наталья Степановна по-хозяйски радушно раскрыла дверь и указала на свободные ряды. Но тревога не отпускала: ведь мы заняли чужие места. Ха, система действовала безотказно: почти сразу же после третьего звонка Наталья Степановна перекрыла вход, и все опоздавшие остались с носом, то есть в фойе. После первого акта наши места сразу же были заняты, и мы в тоске поплелись к Наталье Степановне, которую нашли у гардероба. Она мило беседовала

с супружеской четой, спрашивая, почему те не остаются смотреть спектакль дальше. Вскоре мы получили их билеты, и совершенно счастливые поспешили занять «законные» места.

В тот момент, когда Хлестаков-Миронов (а речь идет о знаменитом спектакле театра Сатиры «Ревизор» с блистательными Мироновым, Папановым, Васильевыми, Мишулиным, Ширвиндтом и Державиным) сделал ладонь лодочкой для получения очередной взятки, мы с моей новой знакомой чуть не выпали из кресел. Смех был до неприличия громким и продолжительным по времени. На нас с удивлением стали обращаться зрители, полагая, что увидели девственно чистых театралов, никогда не читавших знаменитой гоголевской пьесы.

2004 г.

АНЕКДОТЫ

Вообще анекдоты лучше рассказывать вслух, но в коллекции автора есть и такие, что представляют из себя мини-рассказки. Некоторые наиболее «литературные» и включены в эту книжку. В авторской, так сказать, редакции.

РУССКИЙ ХАРАКТЕР

В середине восьмидесятых годов в Москву приехала группа американских социологов – человек пять-шесть. Их интересовал русский характер. В Москве им сказали: «Ну, это вам в Сибирь надо ехать!» В Красноярском крайкоме американцев внимательно выслушали и ответили: «Понимаем, чем можем – поможем. Только вам придется подождать, когда Митрич с заимки приедет, за продуктами. А пока живите – с городом знакомьтесь». Недельки через две прибыл Митрич на подводе, ему объяснили что к чему и он скомандовал: «Сидайте!».

Едут они по тайге. Митрич лошаденку поторапливает, американцев про Америку выспрашивает. Но вот стало темнеть, до заимки – поле переехать. И вдруг послышался вой, а справа и слева зажглись зловещие огоньки.

– Волки! – вскричал Митрич и стал яростно нахлестывать кобылу. Но вой все слышнее, огоньки все ближе

– Эй, соцуолухи! – заорал Митрич в отчаянии. – Скидавай какого-нибудь младшего сотрудника – не то не оторвемся!

– Что ви такой говорит! Как мошно! Это ведь наш фрэнд, друк то есть.

– Скидавай, скидавай, а то всем хана!

41

ПРОСТО
СМЕШНО

ПРОСТО
СМЕШНО

Сбросили одного. Волки с ним расправились и вновь пустились в погоню.

- Давай ишо одного! Не то всех загрызут!

- Как мощно!? Что ви такое говорит? - опять возмущается старший группы.

Митрич на него глазами сверкнул и как заорет:

- Скидавай, твою мать, не то всем каюк!

В общем, скоро осталось на подводе вместе с Митричем трое. Но волки не отстают, вот уже и заимка видна, а они круг замыкают. Тут Митрич вынимает обрез и на ходу - бах! бах! бах! - всех волков кончает. И как раз лошаденка перед избушкой, как вкопанная, встала.

- Ви что же такой делал! У вас бил ружье, а ви наших товарищ - скидавай, скидавай?! - чуть не плача возмущался главный американский социолог.

- Да что тут на семерых пить-то! - грозно сверкнув очами, рывкнул Митрич и достал из-за пазухи бутылку водки.

ИШО МАКАТЬ!..

Собрались мужики одной деревни и решили пойти топить, потому как жизнь совсем никудышная стала: крыши прохудились, дети золотушные, скот дохнет. В общем, решили: «Айда топить!»

Идут, а навстречу им мужик из соседней деревни - сытый такой, ладненький, волосы будто маслом прилизаны, на щеках бутоны:

- Мужики, это вы куда собрались-то?

- Да топить!

- А пошто?

- Дык крыши прохудились, дети золотушные, скот дохнет.

- А у нас все наоборот! Крыши под шифером, на ферме и коровы, и свиньи! А куры у нас какие? Такие яйца несут - вари скорей, колунай, в соль макай да ешь! Пойдем, мужики, к нам в деревню!

Те почесали в затылках и говорят:

- Да ну, ишо макать!.. Айда топить!

КОЛДУН

Алеша Попович собрался в поход, очередной подвиг совершать. Едет он по лесу, субтильный такой, симпатичный, веселый, за спиной лук дренькает. И вдруг видит впереди дуб, на

дубе том сидит на суку Соловей-разбойник и тот сук, на котором сидит, пилит.

– Соловушка, – вежливо обращается к нему Алеша, – вот ты сейчас сук допилишь и упадешь. Ей-Богу, упадешь!

– Езжай, езжай мимо, – засипел Соловей-разбойник, – не то как засвишу!..

– Да я те от души, по-богатырски говорю, советую: допилишь – и навернешься!

– У-у-у, Алеша! Езжай – не буди во мне зверя!

Алеша плечами пожал и продолжил свой богатырский путь. Но только он метров на двести успел отъехать, как сзади раздался треск, шум, ругань. Обернулся Алеша и видит: Соловей-разбойник, действительно, сук допилил, грохнулся оземь и сидит от боли корчится.

– Я ж тебе говорил, Соловушка, что допилишь сук и на землю грянешь

– Езжай, езжай, колдун чертов, – потирая бока, злобно прошипел Соловей-разбойник.

ИЛЮША ЗЛОЙ...

Затерроризировал одну деревеньку Илья Муромец: обложил данью, девок портит, мужиков мордует. Не выдержали сельчане и вызвали из Америки Брюса Ли. Тот приехал, и – кия! кия! – уложил Муромца. Так, что тот три дня и три ночи без сознания в поле пролежал. Наконец очнулся и видит, по дороге бабулька какая-то бредет.

– Эй, бабка! – хрипло позвал ее богатырь. – Худой уехал?

– Уехал, милоч, уехал. Третьего дня как уехал.

– Каюк деревне! – хряпнул по земле Илья кулачищем.

...И ДОБРЫЙ

Проснулся как-то Илья Муромец в чистом поле: голова со вчерашнего раскалывается, оглянулся вокруг: мать моя, это что же на белом свете деется?! Земля вся вздыблена, вековые деревья вверх корнями торчат, на пригорке избушка на курьих ножках тоже перевернутая лежит. Подполз к ней Илья, установил как надо, внутрь заглянул, а там Баба Яга на полатях связанная лежит, кляпом рот заткнут и только глазища отчаянно вращаются.

Илья Муромец стал заботливо ее развязывать да приговаривать:

– Бабушка, это какой же враг по земле моей прошел? Это какой же нечистый дух здесь победу праздновал? Это кто ж над тобой бедной так надругался?

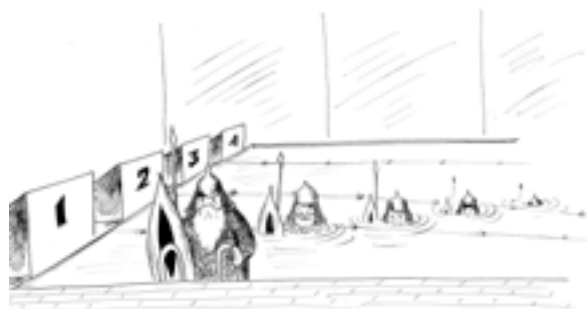
Освободил старушку, та с полатей спустилась, волосы, юбку поправила и ворчливо ответствовала:

– Эх и добрый ты, Илюша, когда тверезый!

2001 г.

**ПРОСТО
СМЕШНО**

Допинг

1.

2.

Перевоплотился

Последний снимок

Наилегчайший

Бюрократ

Борщ по-флотски

– Заседание Либерально-демократической партии объявляю закрытым.

Инструкция по разделке

– Два талона на масло
– и я твоя

– Ладно, снесу я вам по пятнадцать яичек – готовьте талоны!

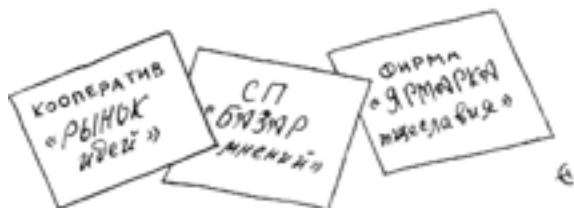

– Голубушка! Нельзя ли вас приватизировать!

1985-й: – За мной будешь!

– На полставки устроился. На основной-то платят – кот заплакал.

55

карикатуры

ПОЧТИ
СЕРЬЕЗНО

И ДАЖЕ
ЧУТОЧКУ
ЛИРИЧНО

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Годы летят, промелькнуло столетье,
Что там столетье – тысячелетье!..
Новые мысли, новые дали,
Мы незаметно новыми стали.
Хуже иль лучше – трудно ответить,
Но перемены нельзя не заметить.
Старых друзей мы теряем в дороге,
Новые люди стоят на пороге.
Кто вы? Поймем ли сегодня друг друга?
Другом ты станешь ли? Станешь подругой?
Прошлое мило, завтра – далеко,
Нынче кому-то опять одиноко.
Было всегда так и, видимо, будет,
Кто-то запомнит, а кто-то забудет.

Декабрь 2001 г.

Осенняя гроза бывает редко:
Она, сверкая, застаёт врасплох,
Сбивает листья и ломает ветки –
И на мгновенье ты ослеп, оглох.

Ручьи несутся, очищая тропы,
И сразу вспоминаешь о весне,
Когда ты ждал раскатов грома, глупый,
И мокрый бред, свободный, как во сне.

Озон разлился и дышать приятно,
И мир вокруг, очищенный, блестит.
Ступить не можешь – ноги будто ватные,
Ты пьяно счастлив, и душа парит.

Что это было? Почему так сладко
И больно стало где-то там внутри?
Чуть тише, сердце!.. А рука, украдкой
Капель холодную с ресниц и губ сотри.

Я не умею музыку придумать –
Владеют мной, увы, чужие звуки.
Воображаемой гитары тронул струны,
Но скрыты дымкою глаза, ресницы, руки.

Когда бы мог, из шепота, молчанья,
Из шелеста листвы седых деревьев,
Из взгляда, вздоха, робкого касанья
Сложил бы тихий, медленный напев.

Но вдруг мелодия рождается, тревожит –
Пока бесформенна – нагая, без одежды,
Пока таится, грустная, но все же
Звучит она и дарит мне надежду.

Ты миром правишь, Женщина,
Повсюду и всегда!
Ты – небо, море пенное,
Далекая звезда.

Лукавая и мудрая --
Как чистая тетрадь.
Ты – легкая и трудная,
И близкая опять.

Какая ж ты желанная –
Спасительный бальзам,
Такая долгожданная,
Мой хрупкий талисман.

На слова, хорошая,
не скупись,
Занесет порошею –
берегись...
И при встрече станем мы
лишь кивать –
Наши чувства тайные
укрывать...
И прикрывшись маскою, –
почему?! –
Будем грезить ласкою,
как в дыму...
За улыбкой сдержанной –
вот беда –
Не узнаем нежности
никогда...

Молчит огромная Россия –
В свою печаль погружена.
Молчит огромная Россия,
Молчит огромная страна.

И тихо, кроткая, страдает,
Надеждой тайною живет,
Она все видит, понимает,
Она – любимый мой народ.

Может, это звучит и не ново,
Но скажу: мы похожи на лес,
И у каждого ствол есть и крона,
Корни, ветви с листвою и без.

И деревья, как люди, болеют,
Только молча (но если бы знать!),
А потом на века каменеют,
Чтоб прожилками в скалах предстать.

Древо наше с годами грубеет,
Но внутри, в самом первом кольце, –
Память детства. Она не стареет
И хранится, как лед в погребце.

Прошлое боготворим,
Ждем с опаской день грядущий,
Презираем, что творим,
Добывая хлеб насущный.

Весна проходит мимо нас,
Да что проходит – пролетает,
Сначала льдом и снегом тает,
Потом сиренью отцветает,
И все без нас, без нас, без нас.

Заглянет солнце в кабинет,
Прогонит прочь седые тени.
В окно проникнет трель свирели,
Но в этом мае и апреле
Опять нас не было и нет.

Весна, похожая на жизнь,
Природой связанная с нами,
Нам шепчет юными устами:
«Пришла. А вы решайте сами –
Парить иль опускаться вниз».

Я человечество люблю!
Людей хороших и красивых:
От них черпаешь в жизни силы,
Они и придают ей смысл.

И где-то Там живет наш Бог,
Он тоже – добрый. И – великий.
Возможно, Бог меняет лики,
Но я узнаю – коль придет.

В который раз меня спасет,
Опять утешит, приласкает.
Поняв, простив, опять растает,
Но обязательно придет!

ПОКОЛЕНИЕ

Повстречавшись, друг друга узнаем,
Потому что мы общее знаем,
Потому что мы общее любим –
Унесем, сохраним, не забудем.

Наши батьки – прошли всю войну, –
Славно выпив, поют «Целину».
Самодельный ковер, на комод
Грустно выстроились слоники (в моде!),
На обложках журналов цветные
Белка, Стрелка.
Совсем молодые
Наши мамы поют про Саратов,
Где живет кавалер, но женатый.

Кристалинская, Пьеха, Гагарин,
Жан Маре, Битлз, Хиль.
Вроде стали

Жить получше: болонья, капрон,
У соседей – «Рекорд», телефон!
Нас спасала картошка, но разве
Вы сегодня представите в праздник
Эту радость: в заветном кульке
Мандарин и зефир!
В кулачке
Зажимаешь красивые фантики –
И несешь однокласснице в бантиках.
Взяв коньки напрокат, нарезаешь
На «Гастелло» круги и не знаешь:
Может, битый придешь, может – нет
(От уфимской шпаны много бед).

Ободзинский, Делон и Высоцкий,
«Песняры», КВН и Тарковский,
Стройотряды, хоккей, водолазка,
Брюки-клевш, в универе подсказки,
И романы, и свадьбы, и дети.
(За которых всегда мы в ответе!)

Брежнев и похоронные сводки,
Горбачев, покушение на водку,
Вечно пьяный Борис и реклама,
Смерти близких друзей...

У экрана
Нашей жизни стоим, наблюдаем,
Что же дальше нас ждет?
Мы не знаем...

Отличный парень Креатив:
Он возвращает девам силы!
Беспечный, бесконечно милый –
Как незатейливый мотив.

Чудесный парень Креатив:
С ним чувствуешь движенье крови
И ощущаешь прелесть нови,
Младой энергии прилив.

Хороший парень Креатив:
Не ждет серьезных обязательств,

Каких-то нудных доказательств.
Он прост - как фотообъектив.

Нормальный парень Креатив:
Расстаться можно без упреков
И, ограничившись намеком,
Сдать впечатления в архив.

Как хорошо жить толстокожим:
Спокойным от природы быть,
Не реагировать на рожи,
Не нервничать и не спешить.

Еще прикольной - пофигистом
(Его ничто не достает).
Лафа нештатным журналистам -
Гуляй все ночи напролет.

Как славно жить вне распорядка:
Лишь в полдень покидать кровать,
Лениво думать, что зарядка
Ведь тоже может напрягать.

Он наделен талантом разным -
Небритый, разбитной народ.
Желанье стать таким же праздным
И к нам приходит, но раз в год.

Жизнь коротка - теперь я это знаю.
(Плати за право мыслить человек!)
На что же нынче, мудрый, уповаю,
Чем успокоен, доживая век?

Всесильно Время, неостановимо
Печатает трагически шаги -
Казалось медленным, теперь неумолимо
Набрало скорость, делая круги.

Его бы раздробить до бесконечности,
Вписавшись плотью в каждое мгновенье,

Остаться – здесь, сейчас, а значит – в вечности,
Найти в привычном счастье со-творенья.

Но мысль заиклилась на дне минувшем
Или галопом в будущее мчит.
Сегодняшнему дню ты будь послушным,
Мгновению – оно не огорчит!

Нет хорошей зимы – лишь в Сибири гуляет метелица,
Лишь в далекой Чукотке лютует свирепый мороз.
Новый год через час? Ну, ей-богу, ребята, не верится!
«Потепельне», «всемирный парник» – сколько в мире угроз!..

Завтра вроде январь, но погода, увы, ненормальная,
Она явно с традицией русской сегодня опять не в ладу.
Ну и зря... Ну и пусть наступила пора аномальная –
Мы останемся живы, мы будем и в новом году!

Не отнять, не забрать у Воронежа смех карнавальный,
Он, как прежде, мечтает и ждет в Новый год волшебства.
Под сиянье огней звон раздастся бокалов хрустальных,
Просигналят куранты начало его торжества.

31 декабря 2003 г.

Вот опять я знакомым маршрутом иду,
Оживают события, чувства –
Так от века написано нам на роду:
Жить и прошлым, что тоже – искусство.
Отгуляв, город словно устал и притих:
Хоть огни сохранились на елках,
Но уже не услышишь бравурный мотив,
Не доносится речь без умолку.
И в душе, как на улицах, пусто теперь,
Сохранились обрывки мелодий.
Здесь взаправду любили, страдали, поверь,
Но скажи, что осталось в итоге?..
В том магическом круге у Красных ворот
Что задумали, бросив монету:
Продолжение дороги, крутой поворот
Иль без цели скитанья по свету?..

Как же так: не знать, не видеть снега?
Это же очарование, нега!
Тихо падающий снег, он – как дыхание,
Шепот-снег и снег – твое молчанье.

Голубым бывает он и розовым –
В поле, в ельнике, в лесу березовом.
Снег – как укрепляющее средство,
Лекарь-снег, вернувшийся из детства.

День рожденья – день сомнений,
День желаний и тревог,
Ласковых прикосновений,
Ожидания дорог.

День цветочный, поцелуйный,
День хвалебный, день хмельной,
Но минует час разгульный,
И наступит час иной.

Одинокий час – опасный,
Смутный час среди тиши.
Не спускайся – труд напрасный –
В зазеркалие души.

Как всегда, закупала вино,
Запасалась нехитрой закуской –
Так из века заведено,
По традиции нашенской, русской.
Будет стол и дежурные речи,
И дежурный подарок коллег –
По привычке так будет отмечен
День, когда родился человек.
Улыбайся, туши лихорадку,
В платье новом сияй в зеркалах,
Не смотри в них печально украдкой.
Все в порядке: ты нынче – на Ах!

Кучугуры, Кучугуры,
Кучевые облака.
Не скупяся, баба Шура

Нацедила молока,
И внимательно смотрела,
Грустно голову склоня,
И как будто бы жалела
Эта бабушка меня:
«В городе таком огромном
Парень сызмальства живет,
Но одет уж больно скромно –
Видно, взятки не берет».
И вздыхала, провожая,
Говорила, что сама
Город тот не уважает,
Хоть и в нем живет кума:
«Фулюганов, бедокуров
Расплодилось, просто страсть!..» –
Очень рада баба Шура,
Что в деревне родилась.

Вновь с дорогой-подругой заведу я беседу –
Из Воронежа в Курск на денечек поеду.
По бокам, как в охране, все столбы-коромысла,
В этом скромном пейзаже столько скрытого смысла.
Вот осины-ресницы в виде лесополос,
И лишились поляны в марте белых волос.
Как покойна земля перед новым зачатьем,
Скоро вешние воды затемнят ее платье,
И под солнцем горячим жди зеленые всходы,
А потом принимай долгожданные роды!

Соберу нехитрую поклажу,
Сделаю последние звонки,
Споры на бегу еще улажу,
И адью! «В дорогу, мужики!»
Окружная выведет на трассу,
Буду с облегчением молчать,
Про себя подумая: «Прекрасно –
За стеклом такая благодать!»
Впереди осины, как ресницы
У притихших мартовских полей,
И дорога убегает, мчится,
И столбы мелькают все быстрее.
Но куда торопиться, парнишка,

От чего и от кого бежишь?
Обожжет предательски мыслишка:
«От себя!» Да разве убежишь!?
Все равно: пусть – мнимая свобода,
Пусть всего неделька впереди.
Отдохнуть! От шума, от народа.
Убегай, дороженька, беги!
Полечи, подруженька, туманом,
Высотой неба полечи,
Я послушным пациентом стану
(Друг-водитель, милый, помолчи).
Отлегло... Ну что ж, врубай приемник,
Новости ужасные включай:
Вот еще один шахид-покойник,
Вот пришел политик-негодяй,
Вот опять реформа для народа
Да других несчастий череда,
И со мной заплакала природа:
Не удрать, не скрыться никуда.

Где же тот душевный разговор,
это неподдельное волнение,
где же вечный, но желанный спор,
что скрывает вечные сомненья?..
Может, и молчанье говорит
(правда, звук его все глуше, глуше),
что еще тот огонек горит –
теплый, согревающий нам души

Небогатое наше детство –
Черно-белое наше кино.
Тех, с кем жили мы по соседству,
Разметало по свету давно.

Пожилые, молодые,
Неродные и родные –
На Земле и в небесах,
Превратившиеся в прах.

И беспечная юность, и молодость,
Те счастливые темные ночи –

Когда в холод совсем не холодно
И не голодно, между прочим.

Пожилые, молодые,
Неродные и родные –
На Земле и в небесах,
Нас тревожащие в снах.

На пороге маячит старость.
С нею спорим, и память детства
Нам в подмогу. Она осталась –
Нерастраченное наследство.

Пожилые, молодые,
Неродные, но родные.
Вот и мы почти седые,
Но живые, но живые!..

2004 г.

Т. Тулупова

Л. Данович

Автошарж
(1976 г.)

П. Новиков

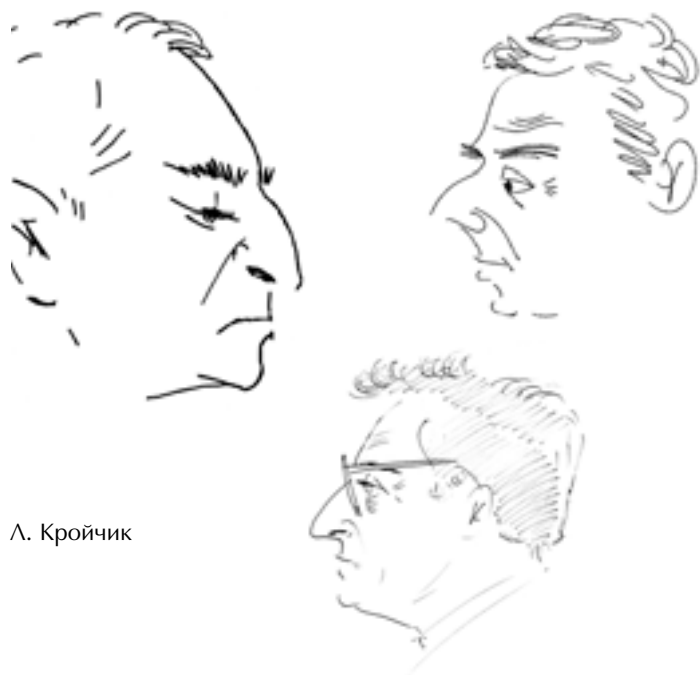

В. Кулиничев

А. Смирнов

А. Кройчик

В. Смирнов

В. Хорольский

Г. Антюхин

М. Вязовой

В. Гаар

Л. Люличева

Р. Овсеян

Р. Жолудь

Е. Корнилов

В. Пельт

С. Корконосенко и Г. Жирков

В. Таказов

А. Ашимов

В. Скворцов

Р. Сафин

Е. Неживой

Л. Бармин

Л. Баран

В. Сесюнин

М. Рахимкулов

А. Лутфулин

Л. Бурангулова

А. Чанышев

В. Домашников

А. Тарасов

В. Никитин

Р. Аюпов

В. Чулюков

В. Михальский

Герои «Золотого тельника»

Герои фильма «Визит к мино-
тавру» (актеры В. Самойлов,
Р. Плятт, А. Филиппенко,
В. Гафт, С. Шакуров,

... И СОВСЕМ
СЕРЬЕЗНО

Почти четверть века назад я работал заместителем ответственного секретаря областной молодежной газеты в Уфе и одновременно вел рубрику «Театральная гостиная», писал театральные и кинорецензии. Лето становилось для меня настоящим праздником: в городе одновременно могли выступать по два-три коллектива из Москвы или Ленинграда, Киева или Челябинска, Перми или Воронежа (в Уфу, где к театру всегда было особое отношение, любили приезжать на гастроли и драматические, и оперные, и балетные труппы)... И вот в июле 1979 года в столицу Башкирии приехал Московский драматический театр имени К.С. Станиславского. Конечно же, я посмотрел почти все спектакли москвичей – этот театр тогда набирал силу, а васьевская «Взрослая дочь молодого человека», как теперь всем понятно, вообще стала явлением в нашей культуре. Конечно же, я специально ходил и «на Буркова», который мне нравился не только как актер, но и как ближайший друг моего любимого писателя Василия Макаровича Шукшина.

С Георгием Ивановичем мы договорились встретиться в лучшем кинотеатре города «Искре», где он сначала терпеливо отвечал на вопросы зрителей, а потом мы на нашем редакционном «газике» поехали в гостиницу. По дороге радио сообщило, что «только что попал в аварию Михаил Боярский», и Георгий Иванович так искренне стал сокрушаться: мол, как жалко парня, ведь вроде бы только что стал известным. Своей простотой и человечностью он обаял меня сразу же, ну а после беседы в его номере (он не пожалел на молодого провинциального журналиста четыре часа времени, хотя к нему то и дело, заговорщически подмигивая, заглядывали друзья) я был им по-настоящему очарован. За обманчивой внешностью простачка, с киноимиджем «любителя выпить», скрывался серьезный, интересный, начитанный, глубоко мыслящий человек. А о Буркове-рассказчике давно слагались легенды, недаром Шукшин советовал ему записывать свои истории.

Материал я отпечатал почти сразу же на машинке, за один присест. Но завизировать не смог, поскольку Бурков уехал на юбилей в Сrostки. Пришлось прочитать текст по телефону его супруге, и лучшей наградой были ее слова, сказанные, мне показалось, даже с удивлением: «А вы – молодец». Вот полный текст публикации, появившейся в газете «Ленинец» 26 июля 1979 года.

Георгий Бурков: МОЙ ДРУГ ШУКШИН

Нам дорого все, что связано с именем Василия Макаровича Шукшина, русского художника, всю жизнь отдававшего нежность и боль души своей людям. Он до обидного рано ушел

из этой жизни, и сейчас мы по крохам собираем все то, что может дополнить, живо очертить образ советского писателя, режиссера, актера. Быть может, новые детали из жизни Шукшина помогут понять нам «светлую даль» его планов, представить, что не успел подарить нам большой мастер слова.

В дни 50-летия Василия Макаровича Шукшина в Уфе с труппой Московского драматического театра имени К.С. Станиславского находился ближайший друг писателя – актер Георгий Иванович Бурков. Он снимался во всех последних картинах Шукшина, как актеры они работали и в фильме С.Ф. Бондарчука «Они сражались за Родину». Этот фильм стал последним в жизни Василия Макаровича.

Георгий Иванович отправлялся в Сростки, на родину писателя, где в это время проходят дни памяти Шукшина. Наш корреспондент встретился с Г.И. Бурковым.

– С Василием Макаровичем я познакомился так. Подбирал он актеров для фильма «Печки-лавочки». Пришел я к нему, сидим, говорим. И беседа выходит какая-то натянутая, официальная. Он вообще по натуре был человек замкнутый и редко кого подпускал к себе так, с ходу. Прищурился и молчит. Может быть, не почуял родного человека – точнее, единомышленника, что ли... Это была первая встреча.

Когда мы увиделись с ним второй раз, то проговорили часов пять. Я влюбился в этого человека. Надо сказать, что к тому времени Василий Макарович уже снял несколько фильмов, был на виду, и я давно стремился к нему. Хотелось и разговора, и работы вместе.

* * *

Он был удивительно красивый человек. Это был мужчина! Честное слово, на него было всегда приятно смотреть. Коренастый, плотный – мужик! И когда я вспоминаю его, то становится горько, и трагические мысли в голову лезут, – как рано он ушел из жизни. И хочется вспоминать, когда Шукшин был радостным. Увидел интересного человека, или замысел появился новый... Вот когда он был Шукшин! В такие минуты Вася становился радостным, как мальчишка. Смеялся, шутил. Я любил тогда бывать с ним.

* * *

Интересно, он не умел в жизни рассказывать анекдоты. Вот подходит ко мне и рассказывает. Я мрачно слушаю (ну что поделаешь, не умеет человек рассказывать анекдоты).

Подталкивает меня: «Иди, иди, расскажи кому-нибудь!» – и сам идет следом. Я рассказываю, а он хохочет, как ребенок, – будто первый раз услышал рассказанное.

* * *

Любил шахматы. И хотя неплохим слыл шахматистом, садиться за доску не рисковал – «заводной я, нервный». Но болеть обожал. Сидел и время от времени, потирая руки, действовал соперникам на нервы: «Ой, какой ход вижу!»

* * *

Любил странные, неожиданные находки. Понравится какое-то слово, поговорка, жест или вообще сочетание слов, понятное только ему, – повторяет, повторяет его на разные лады. Наверное, и это был какой-то скрытый для нас процесс творчества. Часто повторял из Пушкина (которого, кстати, очень любил): «Нет счастья на земле, есть лишь покой и воля...» и как-то по-своему объяснял это. «Вот что такое покой? Это смерть. А воля? Не-по-слу-ша-ние».

* * *

На съемках «Они сражались за Родину» мы были все время вместе. Жили на пароходе – там размещалась вся съемочная группа. И как-то получалось так, что на мне проверял он все задуманное в ту пору. Вот говорит: «А пойдём посмотрим, сколько на Дону туман держится». Засекли время. Оказалось – около часа. «А зачем тебе это?» – спрашиваю. «Представь себе: идут по воде святые, тысячи святых. И стоят они на седлах – так казаки через реку переправлялись. Выходят лошади на берег, они садятся в седла и с руганью в атаку. Оказывается, это не святые, а бандиты...»

Рассказывал он всегда емко, картинно. Вот придумал концовку «А поутру они проснулись». В конце «героев» судят. И вдруг в зал входит женщина, опрятно, но небогато одетая, немолодая. Судья, тоже женщина, спрашивает:

«Вы кто, родственница?». – «Нет, – отвечает. – Я – совесть». Судья говорит:

«Вот дожили, даже ваша совесть на суд пришла». «Ну почему же, – говорит та, – и ваша тоже». Глубокий смысл вкладывал в эти слова Василий Макарович: мы все отвечаем за всех, ничто в жизни не происходит отдельно.

* * *

Такого друга в моей жизни не было. Режиссера – тоже. Да и не будет, думаю. Слишком много счастья – на одного меня.

Это был русский режиссер. И фильмы он создавал какие-то свои, пытаюсь все переоценить, подсмотреть на свой лад.

Такой случай: отказался от любимой актрисы Марецкой ради старушки, которая сыграла роль его матери в «Калине красной». А когда слушал он эту северную русскую старушку – плакал.

* * *

К «Степану Разину» он шел, как к какой-то очень важной цели. После этого, я чувствовал, что-то должно было измениться в нем. Он как бы заново начал бы жить. «Разин» нужен был ему как важная отбивка в жизни. Смотрели мы с ним бокс. Идем после, и он говорит: «Вот сколько отпущено нам на жизнь творческую? Ну, шестьдесят лет. Делю на три раунда. Первый я проиграл вчистую, второй – на равных, а в третьем надо кончать нокаутом». Значит, настало для него время.

Он долго готовился к этому фильму. Говорил и мне: «Готовься к серьезной работе. Семьдесят процентов нагрузки на нас с тобой ляжет». Я должен был сниматься в роли Матвея Иванова – сподвижника Разина, идеолога крестьянской войны. Это вымышленный персонаж, человек, который знает Русь не по слухам, а по жизни.

Шукшин говорил, что будет избегать в фильме массовых сцен. Не то что их совсем не было бы, но не так много. «У нас не умеют снимать массовые сцены. Привыкли так: ты – казак. И актер в массовке сразу становится казаком. Или солдатом. То есть опять – штамп. Нет, с этим сразу не управисься».

Смотрел фильмы Антониони, Феллини, и говорил: «Вот снимем «Разина», пусть они на нас смотрят».

* * *

Совестливый человек – высшая его оценка. Он поддерживал таких людей и выделял их. Рассказывает он что-нибудь – вокруг люди слушают, вставляют реплики, иногда излишне громко, чтобы Шукшин заметил. А он как бы усыплял их внимание, потом подсаживался к человеку, который все это время в стороне сидел. Вот с кем у него шел добрый, долгий разговор. И Шукшину важно было не удивить человека, а поговорить так, чтобы смысл в беседе был. Он говорил так, что доставал у человека самое внутреннее. Я, например, уставал, потому что разговор был всегда серьезный, большая духовная нагрузка ложилась на собеседника. Он умел заставить не пропустить главного, а если начиналась пустая беседа, то замолкал.

* * *

Перед самой смертью зашел он ко мне в каюту и сказал: «Ну, Жорка, кажется, я напишу для тебя хорошую пьесу. Нашел «героя нашего времени». – «Кто же это?» Он загадочно

посмотрел на меня и четко сказал: «Де-ма-гог». Он давно говорил о теме социальной демагогии (помните «Срезал»?) – наверное, речь шла о демагогии чувств, инфантильности. Кстати, этот сюжет я записал и храню.

* * *

Шукшин был влюблен в Федю-балалаечника из «Печки-лавочки». Беззубый, и балалайка у него какая-то беззубая, со щелями. Но вот – идеал актера: доступен, народен, смел.

* * *

Интересно говорил о театре: «Ромм так убедил нас, главное – это кино, театр скоро «умрет», что я думал, ждал, вот со дня на день театры закроют». А потом мы вместе мечтали о каком-то театре где-нибудь на Вологодчине, где живо народное творчество. И он всегда говорил: «Только я буду завлитом», наивно полагая, что в театре это самая главная должность.

* * *

«Мы все снимаем картины о деревне. А снимаем из Москвы, и думаем, что имеем на это право. Мол, знаем деревню. А если из деревни Москву снять? Вот смешно будет! Ведь как изображают деревенские городских: шляпа там, сумочка...»

* * *

Он был уязвимый, мягкий, «доставаемый» человек. Внимательный в дружбе, он и себя ранил часто по пустячным подозрениям. Таким он был всегда, а в работе особенно. Пронснуть ночью – сидит пишет (у него была такая толстая тетрадка в 96 страниц, куда он переписывал все начисто, – она осталась лежать открытой на столе и после смерти). Сидит весь в пятнах, глаза красные, хотя и написана-то всего лишь страничка. Так он тратился. Но писал без помарок, лишь вычеркивал или вставлял в рукопись одно-другое слово.

* * *

Как-то спросил: «Ты вот раньше знал, что будешь известным?», – «Наверное, знал». – «И я знал. А когда совсем расшифруешься, тебе есть куда бежать?» – «Ну, к матери». – «А я ведь бегал. Ничего не получится. Раз уж ты вышел на передовые позиции, то пали». Правда, таких разговоров было мало. Он избегал обобщений и любил то, что сейчас происходит, то, что живое.

* * *

Бесился от того, что называется «актерская популярность». Как-то отправлялись со съемок на машине. Подошли два парня и попросили его дать автограф: «У нас сегодня слет молодежи. Мы приготовили подарки и приглашения». Подали боль-

шую пачку открыток для автографов. Он сел, побледнел, а потом так шуганул их – они просто отскочили от машины. Такого я от него никогда не слышал. Это был последний день съемок фильма «Они сражались за Родину».

Лет десять назад в Воронеже снимался фильм об Алексее Кольцове. Съёмочная группа расположилась в местном санатории, где привелось отдохнуть и мне. Поскольку журналист и на отдыхе не меняет профессии, я сделал несколько интервью – с легендой советского кино Любовью Соколовой, начинающим актером Александром Вершининым и с композитором Евгением Догой. Беседу с последним я и предлагаю вниманию читателей: мне кажется, мысли, высказанные этим удивительно талантливым человеком, не устарели и по сей день.

ОН ПИШЕТ ДЛЯ ВСЕЛЕННОЙ

...Евгений Дмитриевич предложил досмотреть «Вести», прежде чем начать нашу беседу, и я оказался свидетелем того, как эмоционально, непосредственно он реагировал на телевизионные сюжеты, комментарии корреспондентов. На столе лежала какая-то рукопись с забавным рисунком песика.

– Это Джой. Удивительная была собачка. Я, конечно, не собираюсь стать писателем, пишу для себя. Но для меня это важно. Получается что-то вроде сборника «Джой и его собачьи дела».

Евгений Дмитриевич начинает читать новеллу «Последняя схватка» – своеобразную меланхолическую серенаду, посвященную погибшему маленькому другу. Разговор постепенно, но органично приобретает философское направление – Дога и в словах остается художником, так метафорична и сочна его речь. И хотя слово, овеществляющее мысль, – в особенности письменное – все же ложь (как при этом передать интонацию, тембр, ритм, паузу, жест?), я все же рискну вплести в наше повествование и слова самого Мастера.

– Человек должен понять, что он лишь часть мироздания. Такой же листок, который когда-нибудь опадет, и его сметут. Мир – это уже гармония, и всякое грубое вмешательство порождает в нем диссонанс. Многие годы партитуру нашей жизни пытались свести к одной ноте, допустим, к «ре». Но их семь, семь нот, пять октав... Как с другими-то быть, ведь они тоже долж-

ны звучать?! Крепкий пианист должен владеть всей клавиатурой, одинаково хорошо играть и правой, и левой рукой, чтобы все ноты звучали!

Вы говорите – политика. То, что я вижу, это не политика. Произошла подмена понятия. Это – жажда наживы, это борьба у корыта. Это все что угодно, но не политика. Политиканы влезают в нашу жизнь. Брат на левом берегу Днестра, я – на правом. Почему я не могу сходить на могилу своей матери, положить цветочки, пролить слезу? Ведь это моя родина, которая родила мою музыку.

На мой вопрос, где он сегодня живет, Евгений Дмитриевич довольно энергично реагирует: «Совковский вопрос!»

– *Везде я живу! Вы о прописке? Нет у меня московской прописки, я – нелегал, эмигрант. А с 1 января вообще должен покинуть Россию. Моей музыке нашли место, точнее, она сама нашла свое место, а физическому лицу, ее создавшему, отказывают в этом. Я не жалею. У меня есть хороший дом в Кишиневе, семья. Но я – свободный художник. Это – мой мир, лишить его – значит, убить меня. А паспорт спрашивать – это кощунственно, непорядочно, несправедливо.*

Композитор – человек Вселенной. Может быть, я нахожусь в плену очередной своей утопии, но уверен: деятельность человека должна быть направлена на поиск гармонии. Как существует ЖЭК, отвечающий за уборку мусора, так должен существовать и ЖЭК души.

Евгений Дога всегда стремился и стремится объединить все жанры, всех слушателей. Он пишет симфонии, квартеты, оркестровые пьесы, а-капелльные хоры, музыку для балета, кино. Он пишет для всего мира, для Вселенной. Мастер искренно не может понять, почему закрепляются формулы типа «молдавский композитор». Почему? Для чего? Для того, чтобы принизить, поставить на некую национальную полочку? Но для подлинного художника не существует географических границ, всю жизнь Дога стремился к освоению самых различных национальных культур. Изучал русский фольклор, знает, кажется, все о русском романсе, писал в китайской манере, освоил латиноамериканский, американский, югославский, польский стили... Его музыка открыта для самых разных культур, от этого он сам становится богаче. Дога протестует против духовного обнищания, которое нередко приводит к агрессии, чаще к агрессии физической. Ему становится больно, когда у себя на родине он видит эдаких манкуртов, не знающих ни рус-

ской, ни молдавской культур – ни языка, ни истории, ни песен; рожающих таких же детей. Это духовная катастрофа для них и реальная опасность для окружающих, потому что манкурты злобны и жестоки.

– Меня тоже пытались сделать манкуртом, отнимая язык, память. Я понимаю, что великая культура великого народа притягательна. Скажу жестче: слуга говорит на языке господина. Но разве не ужасно, что я, молдаванин, учась в консерватории, ненавидел молдаван, молдавский язык? Лишь в двадцать лет я услышал об Эминеску, нашем классике, о современнике Ивана Грозного Штефане Великом, который воевал с турками и из сорока семи сражений не проиграл ни одного. Я лихорадочно стал изучать историю Румынии, ее литературу, культуру. Я стал говорить на родном языке, написал на нем учебник теории музыки. Кстати, понятие «молдавский язык», на мой взгляд, звучит примерно так же, как «сибирский» или «вологодский язык»...

В одном из издательств давно лежит монография о жизни и творчестве композитора Евгения Доги. Ну почему о художнике, которому через год исполнится шестьдесят, не знают те, которые охотно слушают и исполняют его музыку, его песни? Его знаменитая «Песня о Кишиневе» (помните, «Мой белый город, ты цветок из камня...»?) стала позывными ради Белгорода, Севастополя, своеобразными гимнами этих городов.

А жизнь Доги была нелегкой...

Отец погиб на войне, с тринадцати лет Женя был предоставлен самому себе. Он вспоминает страшный голод, от которого в сорок четвертом-сорок пятом в Молдавии пухли и умирали люди, помнит эпидемию тифа, горы не захороненных трупов... И об этом он хочет написать – для себя, чтобы это помогало выживать сегодня.

Мальчик стал заниматься на виолончели. Вечно голодный, он утром и вечером запивал кипятком припасенные конфеты «Подушечки», а в обед покупал на 15 копеек два ломтика хлеба. Правда, пацанам помогали и огороды, где они находили плохо выбранную картошку, морковь, фасоль... Два года ходил босиком даже зимой (до сих пор болят ноги), потом удалось приобрести резиновые сапоги, на третьем курсе музыкального училища купила ему мама фуфайку, которую вскоре, правда, украли.

Но о тех временах Евгений Дмитриевич вспоминает с теплотой – талантливого, живого мальчишку многие любил, помогали. И в то время он писал стихи («Слава Богу,

вовремя бросил!)), а одно – о любви – сохранилось и до сих пор нравится.

Потом случилась встреча с удивительным человеком, «великим отцом» – Павлом Ивановичем Бочининым.

– *Каждый день, начиная с 6 часов утра, он занимался только со мной, третьекурсником, и вывел в совершенно иную категорию. Заканчивал я училище концертом Сен-Санса, который даже записали на радио. В консерватории учился у Григория Семеновича Хохлова, кстати, воронежца. В пятьдесят седьмом начал работу в оркестре радио.*

В одно время со мной училась Мария Биешу. Познакомились мы с нею так: она спросила, как пройти на улицу Ленина...

Много лет спустя Дога пошутил: «Вот, Мария, как показал я тебе улицу Ленина, так ты по ней всю жизнь и шла, прямо до Ленинской премии». Биешу пела народную песню «Длинная дорога и укатанная». Павел Иванович, готовясь к концерту, спросил Марию, нет ли у нее еще одной вещи. Оказалось, что нет. И тут-то Дога, как говорится, высунулся: «У меня есть!» «Хорошо, Женечка, принесите», – сказал Бочинин. А песни не было! Подобрал Женя стихи, пошел в малый зал консерватории, и к утру песня сложилась. Называлась она «Белый лист сада». Первое совместное произведение Евгения Доги и Марии Биешу, которое передали по телевидению.

Затем начался «негритянский период», как называет его сам композитор: он занимался оркестровкой чужих сочинений. Работа с партитурой нравилась, это стало хорошей школой. А на последнем курсе парализовало левую руку – сказались жуткие жилищные условия. После лечения понял: играть уже не сможет. До сих пор рука болит, реагируя на температурные колебания.

Закончил консерваторию по классу виолончели и решил профессионально заняться композицией – поступил на факультет теории и композиции, параллельно осваивал и дирижирование.

– *Я нередко устраивал скандалы дирижерам, которые уродовали мою музыку. Некоторые кипятились: «Дирижируйте сами!» Мог бы, и, думаю, свою музыку никогда не испорчу. Но каждый должен заниматься своим делом. Это касается, кстати, и политики. Я ведь тоже прошел три созыва Верховного Совета СССР, участвовал в создании закона об интеллектуальной собственности. Не получилось. Жаль, конечно. Но все-таки политика – не мое дело. Вот я хочу запатентовать такое изречение: «Попса – категория соци-*

альная». Наши руководители страны, думцы в большой своей части – попса. В их деяниях, словах – непрофессионализм, безвкусица, агрессия, безнравственность. Короче, попса. А профессионалов я люблю. С благодарностью вспоминаю замечательных дирижеров Ю. Силантьева, А. Баткина, В. Леонова. Они были личностями, а с личностями всегда трудно...

Евгений Дмитриевич написал музыку к трем балетам. «Звезда восхода и заката» шел три с половиной года при неизменных аншлагах. Дога сам закрыл его, потому что не терпит, когда хотя бы одно зрительское кресло пустует. Мне вспомнился в связи с этим случай, описанный Юрием Владимировичем Никулиным: коверный клоун Карандаш, узнав, что за пять минут до начала циркового представления в кассе осталось 4 билета, дал деньги своему ассистенту Юрику, чтобы он их выкупил. Никулин до сих пор хранит эти билеты.

В октябре каждого третьего года очередного десятилетия Дога пишет струнные квартеты. С 1963 года их накопилось уже четыре.

– Мой план – десять квартетов, – шутит композитор, – следующий – в 2003 году.

Более чем в 180 кинофильмах звучит музыка Евгения Доги («Табор уходит в небо», «Мой ласковый и нежный зверь» наиболее известны), он работал для телевидения, для театра. С его песнями выходили в мир Ротару, Суручану, Кодряну, Серебрянников. Старые друзья не забывают и откликаются по первому зову. Гала-концерт – любимая форма общения композитора со зрителями. В свое время осуществилась давняя мечта руководителя Санкт-Петербургского концертного оркестра А. Баткина, владельца полного собрания сочинений Евгения Доги (оказывается, Баткин серьезно обижался, когда новая партитура Доги попадала в другие руки): он выступил со своим оркестром на родине композитора – в селе Мокра.

Музыка Евгения Доги звучит по всему миру. Я всегда знал, что произведение искусства, признанное всеми, может принадлежать только глубоко талантливому, живому, богатому душой человеку. Общение с Евгением Догой укрепило меня в этом мнении.

Этот материал был написан мной в начале девяностых годов, когда я редактировал газету «Инфа». Были отклики – письменные, устные. Перечитал сегодня и подумал: ведь практически ничего не изменилось в нашей жизни – лишь появились новые «герои».

И ГРЯНУЛ ХАМ?

*История – это борьба между культурой и хамством,
между человеком и животным.*

Р. Капусцинский, польский писатель

Познакомившись с набросками этих заметок, мой друг посоветовал назвать их «Непорода». Даже понимая, что он имел в виду «непороду» как генетическую, а не социальную категорию, я все же по размышлении отказался от этого броского заглавия именно из-за опасности разночтений. Что значит – непорода? И голубая кровь давала немало подлецов, и самые что ни на есть пейзажи не однажды выказывали благородство порывов. Я храню – теперь уже навечно – образы двух стариков: моих деда Андрея и бабушки Варвары, родившихся в один год, проживших долгую жизнь и ушедших от нас в мир иной с промежутком в три месяца. Брак их был ранним – в шестнадцать лет повенчались, пережили две войны, голод, смерти первенцев, но воспитали еще пятерых, которые живы и по сю пору (меж тем двое старших прошли Отечественную от звонка до звонка)... И проработали они всю жизнь в колхозе, и назначили им пенсию, если не ошибаюсь, по тринадцати рублей. Но никогда не слышал я ни от того, ни от другой жалоб на тяжелый подневольный труд, никогда не вырвалось из их уст ни одно худое слово.

Вспоминаю деда сидящим за столом в чистой рубашке с аккуратно расчесанной седой бородой (которую он по субботам подстригал большими «овечьими» ножницами), в очках с Евангелием в руках. Бабушка была неграмотной, но молитвы знала и всегда слушала мужа с тихим вниманием. Причем они нам, многочисленным внукам, своей веры не навязывали, но это несуетное общение с Богом заставляло относиться к их вере с уважением. Да и всей жизнью своей старики показывали, что можно быть в ладу с тем Словом, которому они доверчиво внимали с детских лет.

Как чисто было в их доме – и в сенцах, и в горнице, – так чисто было и на подворье. Всегда ухоженными отправлялись в стадо корова Зорька, небольшое семейство овец; даже пчелы из

трех ульев деда Андрея как будто приняли его порядок жизни и, кажется, даже не жалили слишком больно... За праздничным столом дед принимал не более двух рюмок, а потом тянуло его в сон – поднимался-то рано, как, впрочем, все деревенские жители в те времена. Старики мои, а вспомнить надобно еще и родную сестру деда тетку Марью, ослепшую в двенадцать лет и вынынчившую мою маму и всех моих дядьев и теток, жили тихо и скромно. Отношения же их между собой были удивительными. Ворчать они еще себе позволяли (слепая тетка была чистюлей из чистюль и тратила много воды при умывании, а колодец с журавлем находился далече), но чтобы закричать, употребить слово бранное – никогда. Именно эти старики непородные, прожившие в честных трудах почти по девяносто лет, остаются для меня мерилом интеллигентности.

ИМ НЕСТЬ ЧИСЛА...

А теперь о хамстве, точнее – о плебействе, под коим понимаю я обозначение не происхождения, а свойств характера. Если в серьезном научном журнале появляется статья об этой проблеме, знать, она не просто назрела – перезрела... Ученый в растерянности пишет: для хама «границ не существует, не существует святого, неприкосновенного, непреступаемого, запретного, он не испытывает благоговения, не говоря уж об элементарных вещах: ему незнакомо уважение к долгу, чужое достоинство, независимость личности, ее приватность. Все можно и все дозволено, можно облапить, обслунывать, смять, отшвырнуть, наконец, раздавить, унизить».

Хамство многолико – не случайно у него так много синонимов: холопство, лакейство и, наконец, то самое плебейство. А незабвенный Дмитрий Мережковский определял еще жестче: «Одного бойтесь – рабства и худшего из всех мешанств – хамства, ибо воцарившийся хам и есть черт – уже не старый, фантастический, а новый, реальный черт, действительно страшный, страшнее, чем его малюют – грядущий Князь мира сего, Грядущий Хам».

В чеховском «Вишневом саде» главное противостояние идет не по линии Раневская – Лопухин (хотя кажется, именно здесь нерв пьесы: старые хозяева против новых), а по линии Раневская, Гаев, Лопухин, с одной стороны, Яша – с другой. На смену интеллигенции, старой и новой, идет Хам. Яша – лакей в высшем смысле этого слова. Он готов шагать по трупам – «штурмует» (и безуспешно) Дуняшу, хотя она со-

бирается замуж за Епиходова; презирает мать, не желая с ней встречаться; рвется в Париж с Раневской – плевать ему на Родину... Именно на Яше обрывается цепочка с отправкой Фирса: из-за его лжи («Отправили! Отправили!») старика забывают в пустом доме. Яша – апофеоз безнравственности.

Хам активен. Недаром считали, что он носит на себе печать Антихриста, что им владеют бесовские силы. Хам не может быть спокоен – он «опаивает» чужие души, он ищет колеблющихся и заражает их, действуя исподволь – лестью, ложью, а затем и шантажом. И порой страшнее, чем он, становятся опутанные им, действующие грубо, бьющие наотмашь. Здесь уже нет внешней, показушной изысканности (а что хуже – еще неизвестно). Особенно подвержены опасности заразиться от хама маргиналы (что делать – не хватает культуры; хотя вроде проходят по списку интеллигентов). И кому знать, кто в нем сегодня проснулся: разбойник-прадед или хам-дед? Но они уже водят его рукою...

Хамство нынче повсюду: ты встаешь с ожиданием оскорбления если не в транспорте, то в аптеке, если не в булочной, то на почте... Это уже так привычно, так обыденно, что перестаешь различать самое хамство – оно (не ужас ли?) уже примелькалось. Не потому ли, что мы до поры до времени терпим хама – а значит, потакаем ему в бесовских играх? И он аки паук плетет свою паутину интриги. Приходишь к жуткой мысли – да ведь это естественное его состояние, он, как иной вампир, тем и продлевает свою жизнь, что питается от душ чистых.

И вот уже торжествуют заурядные, самодовольные, какие-то толстокожие, которым свойственно недочувствование – они реагируют лишь на внешние колебания природы, хотя могут и в волнение прийти, И попытаться найти оправдание своему хамскому поступку («Подумаешь, я ей не так сказала – переживет, рыба холодная...»). Оправдание простенькое – в пользу себя («Меня тоже мордой об стол терли – и ничего, терпел...»), ведь хамы и во всех видят хамов, почти не подозревая в других способности к внутренним переживаниям. И вот их жертвы «ранены», а нередко и «убиты», но это – не замечено.

Они и унижают-то по-мелкому, но зато постоянно («Капля долбит камень...»), привнося дух коммунальной кухни в любое сообщество, где намерены воцариться. Мелкие бесы намеренно развязны, циничны – сделают пакость и смотрят, широко улыбаясь, пострадавшему в глаза: оценил ли, так сказать, эффект действия...

Может сложиться впечатление, что хам – человек простой, что называется, от сохи. Отнюдь. Плебейства не скрыть, даже если ты слынешь за театрала или почти писателя, даже если украшают тебя благородные седины. И сиди хам в просторном кабинете вполне культурного учреждения, ему не скрыть ненависти к людям утонченным, благородным да и просто воспитанным. Как заметил один современный социолог: «Неслучайно же у воинствующего хама одна заветная мечта: исчезни, интеллигент. Эта мечта, вероятно, близка к реальности. Недаром, все чаще вспоминают полюбившуюся хаму ленинскую фразу о том, что «интеллигенция – это не мозг нации, а говно». Одна надежда на то, что хамство «никогда и нигде еще не умело сплотиться» (М.Бакунин). Хотя временные союзы хамов возможны: они нередко объединяются против кого-либо. Потом, уничтожив, делят пирог и... закусывают друг другом. Типологию хамства каждый может представить сам: хам утонченный, хам откровенный, хам-начальник и хам-рядовой... Общее у них одно: комплекс неполноценности, агрессивность и ощущение полной безнаказанности – тому способствует и время беззакония, правового беспредела, которое мы с вами переживаем (переживем ли?).

Плебейство проявляется и в том, что иные, презирая особенности других, любя без меры самое себя, пытаются навязать другим свой образ жизни. Григорий Померанц приводит строки из письма своей жены подруге: «...Одному человеку и одному времени ближе и действеннее одно, другому – другое. Грех – в навязывании другому не его задачи. Это при том (страшно важное условие), что каждая настоящая задача открывает в человеке великое сердце...» Интеллигенции опять (в который уж раз!) уготована судьба услуги политиков, ученых загоняют в коммерцию... Жена члена правительства, сама близкая к кругу сочинителей, ничтоже сумняшеся, говорит: «Грош цена тому профессору, который без денег сидит. Взял бы, да и открыл какой-нибудь ларек».

Плебеи от рыночной экономики активно включились в первоначальную стадию накопления капитала: нынче юридические-то законы не всегда действуют, что уж говорить о нравственных. Хаму все дозволено: он воспользуется мастерством другого, с легкостью присвоит не только интеллектуальные ценности, но и материальные; как «голубой воришка», не погнушается и мелким жульничеством: одному долг не вернет, другому за работу не заплатит. Ну а тех, кто будет слишком настойчив, можно и припугнуть – благо, вышибалы мыслят и действуют по тем же правилам.

Мы огрубели и даже порой гордимся тем, что простоваты. И одеваемся кое-как, и питаемся абы как – в этом если не привычка, то своего рода кокетство, а то и гордыня – мол, академиев не кончали... И переносится это на самые верха – помните, как совсем недавно спикер на глазах у миллионов телезрителей демонстрировал амбициозность, неуважение к собеседникам, коллегам, не стеснялся в открытую хамить, оскорблять, бахвалиться. Может быть, не хватало ума адекватно оценить себя, а скорее, сознательно так поступал – мол, ничего, схавают... Принимайте такого, какой есть. Он и дебаты вел – как по фене ботал. Телекритик Юрий Богомолов очень точно заметил, что все мы являемся свидетелями паханизации страны, а другой критик Дмитрий Быков в беседе с ним развил тему: «Культ силы – лихости, жесткости – главная черта эстетики блатного мира. Все это прикрывается разговорами о своей философии, о своеобразной духовности...» И нам навязывают нового «героя» – порывистого, могучего, «крутого». Популярным становится и телегерой, прикидывающийся дураком – так что прав актер Станислав Сададьский, утверждающий: хочешь стать любимцем страны, будь глупее основной массы населения. Попробуй говорить на языке толпы... Вот почему поступкам хамов сопутствует сквернословие. Кто-то, бранясь, оживляет родное, природное, с детства привычное, а кто-то, словно чувствуя свою неполноценность, намеренно эпатирует, бравивирует нецензурщиной: мы и высоким штилем можем изъясняться, но и по-простецки можем завернуть... В общем, все – от речи до поступков – грязно, гадко, аномально, с вывертом.

ПЕЧАТЬ БЕЗДАРНОСТИ

«Паханизация», «быдловизация» прессы проявляется прежде всего в языке и стиле, но недавно родился термин, претендующий на роль методологического, – «отфонарная атака журналиста на объект» (произвел его на свет рок-теоретик Сергей Гурьев). Он утверждает, что журналист как объект восприятия для читателя становится важнее, чем объект статьи. По стилю это вообще должен быть террористический акт (чувствуете лексику?):

«Если тебе объект нравится, то все равно надо писать в отношении него достаточно агрессивно. А главное – побольше субъективности, побольше непосредственности чувств и поменьше рефлексии. Фашисты абсолютно справедливо счита-

ли, что рефлексия убивает действие». Как говорится, приехали. Хотя еще года четыре назад на возражения против агрессивной подачи факта Александром Невзоровым в «600 секундах» мои оппоненты отвечали лишь одно: можно! надо! так их, коммунистов! Самое интересное, что самыми яркими спорщиками были женщины с горящими глазами – что-то говорят они сегодня?..

Синдром «поучательства» – провинциальная болезнь прессы, местных газетчиков, допущенных до высших сфер. Они всегда в курсе – рабочий день начинают с посещения кулуаров власти; пресс-конференции для таких – красный день недели: задать вопрос (такой, чтоб и по телевизору показали), отметитья, напомнить о себе... Выработали некий птичий язык – новояз из политических штампов, повторяют зады центральной прессы с важным видом – мы, мол, тоже не лыком шиты и из своих Нью-Васюков вполне способны кое-кому смазь сделать. До Москвы эти камушки, пущенные из рогатки, вестимо, не долетают, но цель-то иная – сделать книксен перед местной верхушкой. Не дают покоя лавры иных высоко взлетевших, бойких и ядовитых, мальчиков с центральных телеканалов – и вот уже на местной кухне пекутся политические блины, пресные, безвкусные, недосоленные (если под солью подразумевать оригинальность мышления и независимость).

И в таком пренебрежении к читательскому (народному) интересу – отрывка плебейства. Смотрите – я из вашей серой массы выделился, терпеть ее не могу и уже (как допущенный) имею право поучать. Такие, кстати, – трудяги, ломовики: пашут свою борозду ежечасно. Притом напористы и настойчивы; особенно не терпят несогласных, сомневающихся. По сути они остались партийными журналистами, они и не думали менять привычку подлаживаться, а просто поменяли хозяина. И иногда о тоской думаешь о каком-нибудь скромном воронежском интеллигенте: как же, должно быть, скучно ему с нашими газетами, теле- и радиопередачами... Да, было время, пробежался по местной прессе свежий ветерок – радости и свобода размышлений, и новая тональность. Но независимость сменилась ангажированностью, на смену ироничности пришли глумливость, а нередко и издевательство. И надо всем – спесь, неуважение к чужому мнению, все тот же идеологический диктат.

Слово девальвируется, поскольку сегодня вообще много разговорного жанра – как тетерева токуют. Михаил Кураев неда-

ром сетует: «Инфляция слов катастрофическая, и гласность понимается как право выставлять свою болтовню напоказ; дикторы даже официальных программ соревнуются в развязности». Он же предупреждает: нельзя приносить мораль ни в жертву политике, ни тем более – экономике. «Человеческое сосуществование, выживание возможно лишь на основе уважения прав другого человека, что и есть основа морали. Выбора нет. Или жить по совести, или драться за жизнь и видеть в каждом живом или временного союзника, или врага».

Язык, стиль – мета времени, общества, человека. Когда-то Николай Огарев резко критиковал стиль коронационного манифеста Александра II: «Мне скажут, что это маловажно. Нет! Немаловажно! Это значит, что правительство не умеет найти грамотных людей для редакции своих законов... Это явление страшное, которое приводит в трепет за будущность, ибо носит на себе печать бездарности». Вот и теперь, как только руководящий человек о экрана произносит «прецедент», становится не по себе, потому что знаешь: он и его команда не смогут принимать нормальные законы и выпускать нормальные постановления. В них обязательно будет какой-нибудь, – пусть небольшой, но изъян. И это всенепременно отразится и на нашей с вами жизни. Кстати, чиновник безошибочно выделяет того, кто «правильно формулирует», и уж тут будьте покойны – он найдет повод унизить, поставить на место «шибко умного», мгновенно перебрав в уме весь арсенал чиновничьих средств, годных для этой процедуры. И тогда тот, что «в очках и шляпе», сполна получит за свою неосторожно приобретенную некогда грамотность. А грамотность, как известно, последнее прибежище интеллигента. Но смог ли он его защитить? Не виноват ли сам, заигравшись с Хамом? Тяжелые вопросы.

В детской
художественной
школе

В пионерском лагере

В университете

В редакции

На открытии
уфимской
«Юморины»

В фольклорном ансамбле «Таусень»

За зеленой машинкой
Тамары Павловны

Редакция стенной газеты филфака БГУ «Наше слово»

На сцене в роли шолоховского героя

В. Кулиничев изучековечил небесные черты Тулупова и Смирнова

В. Тулупов и А. Смирнов в роли
Е. Киселева и Н. Сванидзе

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА	2
ПРОСТО СМЕШНО	3
КАРИКАТУРЫ	45
ПОЧТИ СЕРЬЕЗНО	
И ДАЖЕ ЧУТОЧКУ ЛИРИЧНО	57
ШАРЖИ	69
...И СОВСЕМ СЕРЬЕЗНО	81
ФОТООТЧЕТ	99

Владимир ТУЛУПОВ.

НЕЧАЯННАЯ КНИЖКА: пародии, карикатуры, шаржи, байки, стихи. – Воронеж, 2004. – 104 с.

Корректор – Тамара Коновалова

Дизайн и верстка – Евгений Ярцев

Факультет журналистики Воронежского государственного университета.
394068, г. Воронеж, ул. Хользунова, 40-а.

Т/факс: (0732) 13-17-56. E-mail: root@jour.vsu.ru. Web: www.jour.vsu.ru

Издание осуществлено при содействии

ОАО ХК «Мебель Черноземья» (генеральный директор Н.И. ПОСЛУХАЕВ)

Подписано в печать 11.07.04

Заказ N

Тираж

Формат

Объем

Отпечатано в